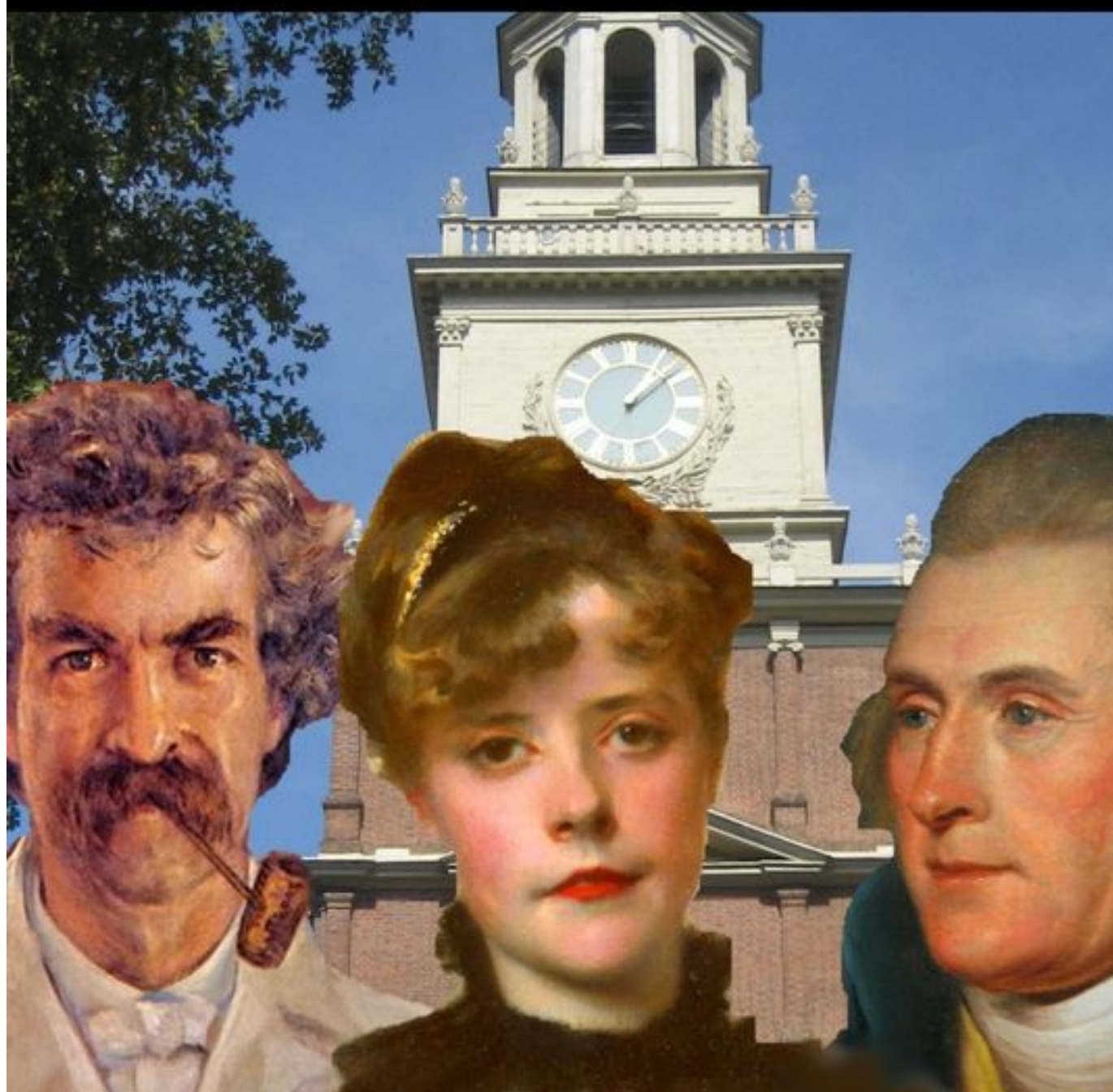

Владимир Романовский
Америка как есть

история Америки для тех, кто не любит историю

Владимир Дмитриевич Романовский

Америка как есть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7356210

ISBN 978-5-4474-1279-1

Аннотация

Что такое Америка на самом деле – знают (на самом деле) немногие. Нет ни страны-ангела, ни страны-монстра. Все гораздо интереснее. Данная книга написана автором по просьбе хорошего московского знакомого, которому действительно стало интересно – что же это такое, настоящая Америка.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава первая. Король Джон	9
Глава вторая. Хенри Восьмой	13
Глава третья. Операция «Черный Ястреб»	15
Глава четвертая. Филадельфия	16
Глава пятая. О стратегии	20
Глава шестая. Отступление о рабовладении	22
Глава седьмая. Сага о помощи	24
Глава восьмая. Конституция и религия	25
Глава девятая. Томми	27
Глава десятая. Война г-на Мэдисона	31
Глава одиннадцатая. К вопросу о демографии	36
Глава двенадцатая. Олд Хикори	39
Глава тринадцатая. Вроде комментария к периоду	41
Глава четырнадцатая. Техас и Мексика	42
Глава пятнадцатая. Антебеллум, часть первая	45
Глава шестнадцатая. Антебеллум, часть вторая	50
Глава семнадцатая. Антебеллум, часть третья	53
Глава восемнадцатая. Независимость Юга	57
Глава девятнадцатая. Булл Ран	62
Глава двадцатая. О событиях и новшествах	63
Глава двадцать первая. Новый Орлеан	67
Глава двадцать вторая. Геттисбургская кампания и Мэри Линкольн	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

**Америка как есть
история Америки для тех,
кто не любит историю
Владимир Дмитриевич Романовский**

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015
© Джон Сингер Сарджент, иллюстрации, 2015
© Джеймс Кэрролл Беквит, иллюстрации, 2015
© Чарльз Уилсон Пил, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто инициировал написание этого романно-исторического повествования для тех, кто предпочитает романы истории —

Сергею Фролову, по чьей просьбе написана эта книга

А также —

Алексею Мартынюку
Максиму Иванову
Льву Гладышеву
Владимиру Перемолотову
Марине Бевза

Пролог

Эту книгу я написал по просьбе-пожеланию одного хорошего знакомого. Не будучи ни профессиональным историком, ни журналистом, я решил выдержать ее всю в обычном ключе – повествовательно-художественном. Чтобы она читалась, как роман с приключениями, детективными линиями, страстью, любовью, интересными персонажами и слегка запутанным сюжетом. Единственное правило, которому я пообещал себе следовать – выстраивать повествование в более или менее хронологическом порядке. Являясь художественным произведением, книга эта не претендует ни на точность, ни на полноту. Встречающиеся в ней изредка цифры – всегда приблизительные, поскольку любые точные цифры всегда можно оспорить, а я не для того пишу, чтобы какие-нибудь продвинутые педанты меня на статистике ловили.

телевизор

Телевизор

В связи с пропагандистскими изысками, войной противоречивых идеологий, демографического, военного и производственного авантюризма и прочих прелестей сегодняшней альтернативной религии, называемой политэкономия, или политэкономика, не помню, а также с помощью телевизора и Голливуда, настоящая Америка, та, которая была и есть на самом деле, все менее и менее известна, все труднее понимаема – даже самими амери-

канцами. Та Америка, о которой знает большинство населения планеты, Америка, какой она представлена в средствах массовой информации, и, все чаще, в псевдо-исследованиях и псевдо-рефератах, не существовала никогда – не могла бы существовать в виду совершенно очевидных противоречий. Беззаветное восхищение и беззаветная же ненависть к Америке являются, в равной степени, проявлениями фанатизма языческого толка. И все бы ничего, но крики фанатиков мешают людям, действительно желающим знать, что это такое – Америка, разобраться в действительности.

Нет ни страны-ангела, ни страны-монстра, конечно же. Есть страна с интересной историей, золотая жила для исторического романиста, необычное, нетривиальное государство в Западном Полушарии. Основной язык – английский. Климат – по-разному, в зависимости от региона.

Человеки разумные

По одной из забавных теорий, давным-давно, в незапамятные недемократические времена, толща льдов покрывала шапкой значительную часть Северного Полушария. Затем по причинам, которые данное направление научно-мифологической мысли не объясняет, погода на планете самоутеплилась. Ледник стал отступать к северу. А меж тем всякая разная живность, включая человек разумных, привыкшая жить у кромки льдов, не желала с этой кромкой расстаться.

И вот некие монголоидного типа поселяне, резидентствовавшие, согласно этой версии, там, где в наше интенсивное время расположился французский город Париж с дворцами, садами и стеклянными японскими пирамидами, размножились настолько, что многим стало не хватать места на этой парижской долготе. И некоторые, помоложе и поактивнее, решили уйти в поиски, следуя вдоль кромки. И пошли себе. Сперва на Запад, наверное, но там обнаружилась Атлантика, мешающая идти. Тогда они повернули и пошли на восток. По пути им встретились Германия, Польша и Россия, но большого впечатления эти страны на них не произвели – там мало чего было тогда. Леса да хищники, в основном. Версия умалчивает о том, сколько времени длилась миграция – сто лет или пять тысяч лет. Но, перевалив через Урал и пройдя гуськом по Сибири, неусидчивые монголоиды эти, следуя за стремительно отступающим ледником и вдоль него, к восходящему солнцу, достигли Тихого Океана. Суще-

вал ли во время оно Берингов Пролив, или они перешли на Аляску по льду – неизвестно. Некоторые осели на Аляске, остальные разделились на две части. Одна, малая, часть осталась в Канаде и обитает там по сей день вместе с украинцами. Другая, большая, которой ледник к тому времени изрядно надоел, круто повернула направо и устремилась в земли, которые оказались неожиданно гостеприимными. Пройдя через Альберту, мигранты оказались – кто в Калифорнии, кто в Юте и Колорадо. Многие остановились и занялись устройством жизни и охотой на бизонов. Остальные продолжили поход на юг, через Техас и Мексику, и дальше, в Южную Америку, где впоследствии основывали империи и воевали друг с другом.

Бизон

Эти их баталии, кстати говоря, опровергают теорию, что милитаристские поползновения человечества всегда обуславливаются балансом доступных ресурсов. Южная Америка была в те времена настолько богата ресурсами, а людей было так мало, и потребности их настолько были невысоки, что хватало всем, с большим избытком. Приходится признать, что войну человечество любит просто так, иррационально, и букве экономических законов любовь эта не подчиняется. Так злобная и сварливая женщина в бигудях, равнодушная к деньгам и любящая плотно пожрать, выглядит в глазах влюбленного в нее юноши романтической принцессой с тонкими запястьями, нуждающейся в ласке и защите. Так или иначе, имперские монголоиды обладали по тем временам солидной культурой и даже строили города с громоздкими некрасивыми зданиями, которые так умиляют исследователей.

Некоторые из мигрантов имели весьма интересные представления о структуре времени и пространства, неплохо разбирались в астрономии (лучше, чем многие сегодняшние астрономы, натужно пытающиеся решить, была ли жизнь на Марсе), знали об округлости

планеты. У них не было лошадей, зато всем хватало еды и земли. Возможно поэтому они так и не озаботились изобретением колеса и металлургии. Их империи переживали расцвет и упадок много раз. Когда с востока к континенту ледниковых мигрантов пошли один за другим корабли испанцев, итальянцев, португальцев, а затем англичан, голландцев и, наконец, французов, империи находились в стадии дичайшего упадка.

Это само по себе странно.

Если не считать несерьезных и ничем не кончившихся попыток озверевших от плохого климата викингов, Христофор Колумб высадился в Пуэрто-Рико в 1492-м году. К этому моменту некоторые цивилизации Востока – Китай и Япония, к примеру – насчитывали тысячи лет существования. Китайцы неплохо плавали по морям. Японцы – тоже! Казалось бы – пройдя по берегу до Камчатки и переплыв пролив (а хоть бы и на плоту!) эти Греция и Рим Азии Великой могли преспокойно колонизировать Северную и Южную Америку задолго до европейцев, и это было бы гораздо проще и познавательнее, чем ссориться с кочующими монголами.

Не колонизировали. Предпочли вместо этого драться друг с другом, строить Великую Китайскую Стену, и сочинять ханжеские сказки для детей в педагогических целях.

Как бы там ни было – французы в начале облюбовали себе восток Канады, англичане и голландцы – земли на юг от Квебека, а испанцы – все остальные территории, не считая Бразилии, которую хапнули себе португальцы. Ледниковых мигрантов, основательно потрепав, обозвали индейцами и загнали в резервации. С тех пор мигранты эти много пьют.

Вскоре после этого, подражая средневековым арабам, колонисты европейского происхождения открыли для себя центральноафриканскую работорговлю. Межплеменная война, которая непрерывно велась в Африке, и, похоже, ведется до сих пор, приводила к ежегодному захвату большого количества пленных, которых затем превращали в рабов, и которых некуда потом было девать: предложение всегда превышало спрос. Американские колонисты, оснастив суда, стали скупать у победителей излишек – так на американском континенте появились представители негроидной расы. Некоторые из них поют нынче в опере.

Но – все по порядку.

Часть первая

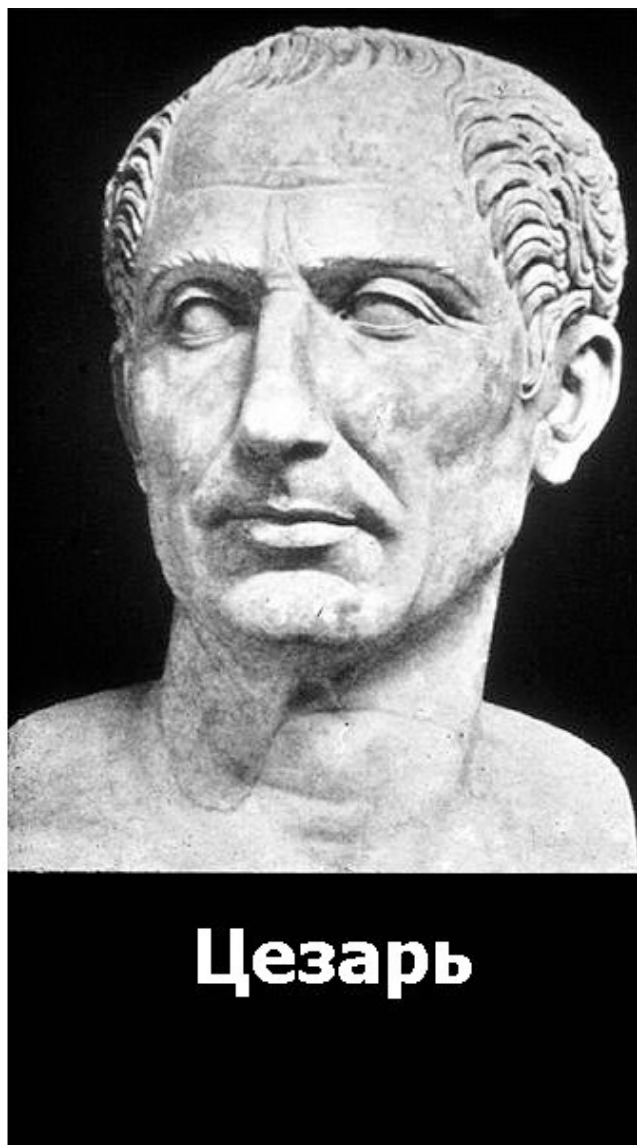
Глава первая. Король Джон

Англию пытались захватывать все, кому не лень, а в одиннадцатом веке этим особенно баловались датчане. А потом куда-то ушли, обидевшись. Но вот пришел Вильгельм-Завоеватель, он же Уильям, он же Гильом, переправился из Нормандии со своей ватагой арбалетчиков, учинил битву при Хэйстингсе, победил местного короля Харольда, и воцарился в Альбионе.

Норманны были потомками варангов-викингов, но скандинавских наречий не знали, а знали французский язык, который создавался примерно так:

На территории сегодняшней Франции дискутировали сперва по-галльски (это, типа, кельтское наречие такое), затем, в связи со странствиями Цезаря, по-латыни, а по пришествии бородатых франков – на каком-то из германских наречий. Затем дикую эту смесь узаконил кто-то из королей (возможно, Шарлемань, не помню), объявив ее государственным языком. Так появился язык французский, на котором и разговаривали между собой, обмениваясь важной информацией, норманны.

И вот эти норманны утверждают в Англии, но местное наречие учить отказываются, а говорят и дальше по-французски, поскольку это язык интеллигенции, а норманны любят, когда про них говорят, что они интеллигентные очень.

Юлий Цезарь, римский император

До сих пор, кстати говоря.

А провинциальные английские бароны французского не знали, и были менее интеллигентны. И вот, к примеру, приезжает к королю делегация баронов и предъявляет жалобы, мол налоги высокие, а урожай низкий, нельзя ли снизить налоги. Король выслушивает баронов очень вежливо, ни слова при этом не понимая. И отвечает им по-французски, интеллигентно – j'assерт, что значит – доводы Ваши принимаю, можете идти, Седрик, проводи их, да проследи, чтоб столовое серебро не спиздили по дороге. И, естественно, ничего не предпринимает по поводу жалоб. Очень похоже на сегодняшние дела во всех странах, кстати говоря.

Но вот проходит полтора века, и суровому Генри-Анри Второму английскому наследует Ришар, он же Ричард, в будущем – кур-де-лийон, то бишь, Львиное Сердце. Он знает английский по верхам, но это не важно, а важно то, что он гомосексуалист, и в силу этого отчаянный вояка. Вне похода себя не мыслит. Все время в седле, в окружении подтянутых доблестных воинов. И вот он отправляется в крестовый поход, или еще куда-то, и об этом слагают стихи и саги, а как раз в это время наступает год Милости Божией 1199-й. И в управлении страной остается брат Ричарда, по имени Джон. Тот самый, кстати говоря («Послушайте сказку минувших времен О доблестном принце по имени Джон». С. Маршак, перевод одного из Кентерберийских Сказаний).

Король Джон

Король Джон, он же Иоанн Безземельный

Джон – бабник, повеса, трепло, и большой шутник, с хорошим чувством юмора, знающий английский язык (во время оно уже щедро разбавленный французским) как родной. Воспользовавшись отсутствием грозного Ричарда, к Джону заявляется делегация всех баронов страны. Ему угрожают и его обвиняют, бряцая ржавыми свердами и крича «fuck you!» Король всех обобрал до нитки! С одной стороны Джон понимает, что сейчас у него отберут власть. С другой стороны он признает, что многие требования баронов – вполне здравые, и что дальше так нельзя, и надо что-то делать, нужны реформы.

Он усаживает баронов за стол, наливает им пива, и вместе они составляют уникальный документ, вошедший в историю как Магна Карта, она же Великая Хартия. Вспомнив многое, включая Евангелие и Римское Право, призвав в помощь писцов и священников, эта команда

сочиняет нечто вроде контракта между королем и его вассалами, с большим количеством пунктов, в которых оговаривается, что король имеет такие-то права, а бароны – такие-то, и по нарушении контракта любой из сторон эта сторона имеет право законно что-то предпринять – бароны, к примеру, считать себя независимыми от короля, а король – давать им, баронам, по башке. В общем, таким образом создается первая из известных историкам конституционная монархия. Впоследствии, правда, многие английские короли на Магна Карту плевали, но это незаконно, поскольку вместо того, чтобы следовать законам, они следовали велению сердца своего и тщеславию, и использовали личное обаяние и связи в целях укрепления власти в обход Магна Карты.

Тем не менее, дело было сделано, и Магна Карта существует и действует до сих пор, то бишь, более восьмиста лет.

Король Джон, доблестный принц, остался очень доволен и собой, и документом. А последующие короли начали мало по малу говорить по-английски, дабы не было больше таких вот недоразумений.

Глава вторая. Хенри Восьмой

Со времен подписания Магна Карты минуло много лет, и даже столетий, произошло много разных поучительных и полезных событий. В частности, Христофор Колумб открыл Кубу и Пуэрто-Рико, а затем и он, и его последователи приволокли с нового континента в Европу много интересного – например, картошку, помидоры, шоколад, индюшку и табак.

Елизавета Первая Английская, к которой упорно но безуспешно сватались Анри и Иоанн, француз и русский, оба Четвертые, любила моряков и часто посылала экспедиции в Новый Свет. При этом она худо-бедно поддерживала драматурга, написавшего верноподданническую пьесу о представителе конкурирующей фамилии, Ричарде Третьем Горбатом, обличающую его. Но так получилось, что сразу перед ней на английском троне восседал массивным своим североанглийским арсом Хенри Восьмой, которому не везло с женщинами. Не то ему изначально неприглядных подсовывали, подмазав и приодев, не то ему женщины быстро надоедали. В общем, решил он как-то развестись с очередной женой, и послал соответствующую просьбу Папе Римскому. Папа Римский возмутился до глубины своей римской души и сказал, что ежели каждый король начнет по двадцать раз ежедневно разводиться, то это будет не цивилизация, а вертеп, и пусть он, Хенри, доживает свой век с нынешней своей женой, как умеет, и да будет это впредь уроком последующим королям, чтобы выбирали себе жен подумавши, а не лишь бы какую.

Хенри очень обиделся на Папу и сказал, ах так! Тогда я против. Идите вы все со своим Римом, я сам буду теперь глава своей английской церкви. Образован я не хуже Папы, желание есть, деньги есть. Хуза!

И некоторая часть населения страны ему, Хенри, поверила. Может, из патриотизма. А может из-за того, что латынь не всем удобно учить. Не знаю. А только появилось целое движение, которое всегда появляется при коренных переменах – преданное этим самым переменам. И много было подвижников и сподвижников, и все они были верующие.

И прошло какое-то количество лет. На дворе был семнадцатый век, мушкетеры в Париже сдерживали Фронду, Рембрандт рисовал в Амстердаме мужчин хорошо а женщин не очень, на Руси было сперва Смутное Время, а потом воцарение Романовых, а судно под названием Майский Цвет с пилигримами, последователями подвижников, двигалось в Новый Свет. Рифма плохая.

Корабль «Майский Цвет»

Данные пилигримы рассуждали примерно так: в Старом Свете слишком много всякого, что отвлекает от служения Создателю. Слишком все пропитано наследием прошлого, грехом, интригой, политикой. А мы желаем сами по себе, и чтобы вера наша была таким образом чиста.

Были они, безусловно, аскеты суровые, довольствовались малым, и была у них действительно христианская этика. Не буква закона, но дух. Такое случается, хоть и редко.

Прибыв в Новый Свет, основали они поселение. В Новом Свете к тому моменту всякое уже наличествовало – драки с индейцами, ссылки преступников и проституток из Европы, местное баронство, французы, и так далее. Английские протестанты это все по большей части игнорировали, а пили себе кофе малыми дозами, экономя, и с тех пор этот самый противный и некрепкий пилигримовый кофе утвердился, как американский традиционный.

И занялись пилигримы чем попало, в том числе фермерством и управлением. И дали обширное потомство. И заселили все Восточное Побережье.

И тем не менее, они остались верны Англии и короне. И их потомки тоже. И восточнобережные колонии официально принадлежали Англии в восемнадцатом веке.

Глава третья. Операция «Черный Ястреб»

В середине восемнадцатого века к западу от американского Восточного Побережья наметился вооруженный конфликт старых знакомых: Англии и Франции. В нем поучаствовали индейцы, отсюда – Черный Ястреб. Но дело не в этом.

Некое английское подразделение проявило под предводительством двадцатидвухлетнего лейтенанта самостоятельность и, пользуясь неправильной информацией о дислокации и численности противника, произвело по нему (противнику) неожиданный удар. Противник обменялся промеж собою интеллигентными французскими фразами и взял англичан в кольцо. Когда пули и ядра посыпались со всех сторон, англичане сдались, и пленных привели в палатку для подписания условий перемирия. Лейтенант, мрачный и сердитый, сел за стол, порассматривал условия, подумал, эка, мол, заковыристо написано, но что же делать, господа, надо подписывать. И подписал. Тут наличествует важная деталь. Лейтенант с французским языком знаком не был. А условия были написаны именно по-французски, и были эти условия вполне позорные.

Лейтенант узнал об этом впоследствии и возненавидел французов на всю жизнь. За презрение к его английскому интеллекту и английской же короне, коей он хранил верность.

В общем, случай вполне эпизодический, и ни на что он не повлиял бы, и был бы благополучно забыт, если бы у лейтенанта было другое какое-нибудь имя. Но именно этого лейтенанта звали Джордж Вашингтон.

Глава четвертая. Филадельфия

В Филадельфии я бываю периодически, и никогда не упускаю случая зайти и посидеть – во дворе старинного провинциального Конгресса (ныне именуется Холлом Независимости), и, в приемные часы, внутрь. Там теперь музей, но это несерьезно.

Здание напоминает стандартную американскую школу, построено примитивно, но прочно. Из двора (теперь во дворе сквер, а по периметру торчат несуразные в этом месте небоскребы), под арку – справа собственно Конгресс, слева – Верховный Суд, с нарочитым отсутствием входной двери (символизирует открытость). Здание маленькое по современным понятиям.

В общем, высокие налоги и невозможность выразить несогласие с такими налогами в лондонском Парламенте настроили среднее сословие американских Колоний враждебно по отношению к короне. К тому же сам король, Джордж Третий, не вызывал особых симпатий, а был самодур (правда, с чувством юмора). Англия среагировала на настроения в Колониях, и военный контингент в Новом Свете получил подкрепления. Эти подкрепления набирались не обязательно в Англии. Поскольку все колонисты были так или иначе подданными Англии, немалая часть солдат была из местных. Впоследствии приверженцев короны стали называть лоялистами.

Джордж (Георг) Третий, король Англии

Субсидии английской компании Ист-Индиз (она была почти полностью освобождена от налогов) раздражали бостонских купцов и пивоваров, а они, в свою очередь, настраивали остальное население, и объясняли высокие цены на продукты, предметы одежды, и землю дискриминацией со стороны Англии. И вот пивовар по имени Сэм Адамс (какая же английская заваруха обходится без пивовара) с друзьями, переодевшимися в индейцев для конспирации, забрели в порт, запрыгнули на борт судна с чаем, и весь этот чай вывалили к чертовой бабушке в воду. Кстати, потомки Адамса до сих пор торгуют пивом, и пиво это, особенно лагер, надо сказать – прекрасное, для тех, кто интересуется. Название сохранено – Сэм

Адамс, или Сэмюэль Адамс. Серьезные любители пива говорят просто «Сэм», и бармены их понимают.

Английский военный контингент разгуливал по Бостону в красных камзолах. Местные шутники подначивали местных простачков подходить к солдатам и спрашивать, по чем нынче крабы на рынке.

Здание Конгресса в Филадельфии (ныне Холл Независимости)

Тем временем в Филадельфии собрался, в вышеупомянутом здании, Конгресс. И объявил о формировании Континентальной Армии. Потому что сколько ж можно.

Тут же последовал вооруженный конфликт. Пятимиллионная страна, минус лоялисты, противостояла великой Империи. Главнокомандующим после многочисленных споров был назначен бывший молодой лейтенант, теперешний генерал, Джордж Вашингтон. Долго отнекивался (не шучу).

Собственно, так или иначе, Колонии отделились бы от Империи, поскольку ничем, кроме налогов, не были с нею больше связаны. У них была своя жизнь, на английскую не похожая.

Интересная деталь – к моменту начала действий лондонский Парламент официально оповещен не был. Т. е. покамест это был не официальный разрыв, но просто бунт.

Бунт ширился.

Колониями в это время правил помаленьку филадельфийский Конгресс. Обычная история – налоги, бюджет, средства, политики тянут резину, действующей армии на полях сражений не хватает снаряжения и амуниции. Немалый отрезок времени армия Вашингтона торчит в долине Вэлли Фордж, раздетая и голодная. Больше года. В этой связи упоминается

некоторыми историками странный скандальный апокрифический эпизод, весьма похожий на правду.

Генерал Вашингтон военным гением отнюдь не был. Но то, что он был прирожденным лидером – сомнению не подлежит. Единство армии он сумел сохранить вопреки многому. И когда почувствовал, что дальше так нельзя, разбегутся солдатики, то, взяв с собой сравнительно небольшой отряд, скорым путем выехал в Филадельфию. В Конгрессе шло очередное бюрократическое заседание, когда во дворе раздался топот копыт и бравый генерал на белом коне (без шуток) въехал в сопровождении своего отряда в здание Конгресса, со шпагой наголо. Попадали стулья, конгрессмены вскочили на ноги. Поправив парик с темно-синей лентой, повертев в воздухе клинком, сидя в седле, Вашингтон задумчиво посмотрел на бюрократов. За спиной его торчали штыки солдат Континентальной Армии, из чего конгрессмены сразу уяснили, что говорить сейчас будет вот этот самый всадник, а они будут молчать и слушать. И всадник заговорил.

– Эта... э... средства нам будут, или чего? У меня половина солдат без обуви. Не хотят ли господа, чтобы мы все одним махом перешли на сторону англичан? Вы не представляете себе, как они будут довольны, англичане. Я, господа, неважный оратор, но суть передаю правильно. Я не знаю французского, но отношения к делу это не имеет.

Генерал Вашингтон в Конгрессе (художник: Дмитрий Романовский)

И Конгресс, опасаясь команды «Заряжай! Целься! Пли!», срочно выделил средства.

Показателен, в историческом смысле, канонизированный сегодня эпизод с Полом Ревиром. Прискакав в одиночку в городок, он крикнул зычно: «Британцы идут!» И весь городок поднялся против англичан, с оружием в руках. Отметая в сторону красоты, можно заключить, что, несмотря на лоялистов, большинство населения было к англичанам настроено весьма враждебно, а англичане к населению.

И показательна иностранная помощь. На сторону Колоний встали две страны, традиционно враждебные Англии: Франция и Россия. Екатерина Вторая помогала в основном деньгами и дипломатией. Но Людовик Шестнадцатый послал в Новый Свет значительный контингент в помощь Вашингтону. Самая известная фигура в этой французской стороне истории – генерал Лафайетт. Но это к данной главе не относится.

И, наконец, когда военные действия были в самом разгаре, кому-то пришлось наконец в головушку буйную их узаконить, придать им хотя бы видимость санкционированности. Дело это Конгресс поручил самому необычному человеку эпохи – Томасу Джефферсону.

В свободное от основных занятий время Джефферсон, проживая в особняке на углу, в трех кварталах от Конгресса (обычный колониальный городской особняк, прелестный, очень уютный) составил документ, вошедший в историю как Декларация Независимости.

Сегодня это менее понятно, чем тогда, но —

Основная суть документа в том, что король Джордж Третий нарушил по отношению к колонистам условия Магна Карты. Посему колонисты являются не повстанцами, а – честными вассалами-баронами, следующими пункту Магна Карты, который оговаривает независимость баронов от короля в случае нарушения королем условий контракта.

В преамбуле Джефферсон, подумав, изменил слегка фразеологию. В черновике Декларации он написал – есть законы бытия естественные, святы (имея в виду, что их и прописью писать не нужно, их все люди и так знают с рождения). Затем ему пришло в голову, что святы законы есть в Библии, а все остальные законы святыми быть не могут по определению. И нашел нужное слово – есть законы естественные, САМООЧЕВИДНЫЕ.

Присыпал песком, подул, прицепил шпагу, и пешком отправился в Конгресс.

Глава пятая. О стратегии

Собственно стратегия Вашингтона есть стратегия вынужденного сдерживания. Понятно, что напрямую конфликтовать с армией Империи было делом бессмысленным. Империя, заупрямившись, могла послать в Новый Свет столько солдат, сколько понадобилось бы для уничтожения всего населения поголовно, вместе с лоялистами и индейцами.

Вашингтон воевал следующим образом. Подводил войска, фиксировал численность неприятеля, при благоприятном соотношении атаковал, но не затягивал конфликт, а тут же отходил, стараясь сберечь столько солдат, сколько мог. Расчет был на то, что англичане устанут (в Лондоне).

Но этот подход деморализировал и армию, и население, поэтому следовало что-то предпринять для поддержания духа.

И Вашингтон форсировал Делавер. Это такая речка, солидной ширины, и именно на ней стоит восточным боком Филадельфия. На противоположном берегу реки англичане разбили лагерь и ушли спать, законно полагая, что колонисты поступят также. У колонистов было несколько лодок, а лед на Делавере только что вскрылся и плавал кусками. Но Вашингтон решил, что – пора, и в рекордные сроки переправился с армией через реку. Англичан, едва очухавшихся и мало чего соображающих, он разбил в этой битве в пух и прах, взял много пленных, и так далее.

Переправа через Делавер (художник: Эмануэль Лойце)

Примечательная деталь. Во всех хрониках упоминается этот самый мартовский лед, плавающий кусками, и на самом известном американском батальном полотне, висящем в Метрополитан Музее, этот лед наличествует. Сегодня на Делавере льда не бывает. Никогда. Можно сколько угодно распространяться, что, мол, глобальное потепление – миф, но вот и свидетельство.

Интересен случай с Джефферсоном, поверившим, благодаря этому случаю, в свою счастливую звезду. Англичане очень хотели его арестовать, ибо он был государственный преступник, написавший наглый документ, и имел большое влияние среди повстанцев. Как-то Джефферсон осматривал в подзорную трубу окрестности в какой-то местности, где пребывал, и, не увидев ничего особенного, вернулся в дом на ночевку. Там он вспомнил, что забыл на пригорке, с которого осматривал окрестности, свою шпагу. Вернулся, подобрал

шпагу, а за пригорком увидел английский отряд. И срочно убрался из этого места. Ну, это к слову.

Спустя какое-то время Вашингтону очень серьезно повезло.

Объединившись с Лафайеттом и его армией, на время забыв неприязнь свою к французам, генерал провел несколько удачных сражений, и англичанам понадобились срочные новые планы и перегруппировка войск. По идее, генерал Бургойн, шедший на юг из Квебека, должен был объединиться с генералом Хоу, вышедшим из Нью-Йорка на север, чтобы окружить Колониальную Армию. При этом соотношение роялистов и колонистов должно было по плану быть не то два, не то три к одному.

Но тот член Парламента, в обязанности которого входило подписать и отправить приказ генералу Хоу, забыл это сделать и уехал на охоту, из Лондона в Кент.

Бургойн на место встречи прибыл, а Хоу продолжал торчать в Нью-Йорке. Воспользовавшись этим, колонисты окружили армию Бургойна, которая тут же сдалась. В подписании документа, свидетельствующего о сдаче, Бургойн поучаствовал своеобразно – проявив истинно английское чувство юмора и приписав саркастический комментарий к каждому предложенному американцами пункту.

Этот же генерал затем баллотировался в Палату Лордов в Лондоне весьма своеобразным способом: пришел на выборное собрание с двумя пистолетами в руках и в окружении своих солдат. Был оштрафован на тысячу фунтов стерлингов.

Хоу все-таки выступил из Нью-Йорка на север, с большим опозданием, после чего ему пришлось отступить, и отступить очень быстро.

И был Чесапикский Залив, место расположения сегодняшней столицы Соединенных Штатов. И была стремительно отступающая английская армия. Колонисты подкатывают артиллерию. Англичане уходят к воде, где их ждут суда. В этот момент в этих же водах неожиданно появляется французский флот, который с большим удовольствием несколькими залпами эти суда топит, посему англичанам путь к дальнейшему отступлению оказывается отрезан. Их окружают и заставляют сдать.

Король Джордж Третий читает Декларацию Независимости и реагирует так: «Накарякали, накарякали тут...»

После этого Континентальная Армия сохраняется на всякий случай в полном составе, благодаря увещеванию Вашингтона и вопреки недовольству Конгресса, до самого подписания мирного договора в Париже, в 1783-м году.

У новой страны нет ни законов, ни конституции, ни официальных границ. Все это предстоит как-то придумать и сформулировать. Но самый умный (и самый капризный) Джефферсон решает, что пора и отдохнуть, и выговаривает себе должность американского посла во Франции. И живет в Париже со своей любимой девушкой, она же квартиронка (на четверть негрятка) и его собственность, которая ТОЖЕ не очень хочет обратно в Америку, поскольку в Америке она – рабыня Джефферсона, а в Париже у нее светский салон и все от нее без ума.

Возвращаются они в Америку (помогать писать Конституцию) только когда разъяренная толпа начинает развешивать парижских аристократов на фонарях вдоль Риволи. Джефферсону, очень любившему Париж, эти пейзажные новшества совершенно не понравились. Что, мол, такое – я тут отдыхаю, веду светский образ жизни, а мне вон чего кажут. Нет, так дело не пойдет. Что ж, поедem обратно, а то дураки без меня ничего придумать не могут в смысле конституции.

Может, все это было не совсем так. Но настораживает именно совпадение по времени – Французской Революции, возвращения Джефферсона, написания Конституции и избрания Президента.

Глава шестая. Отступление о рабовладении

До примерно середины восемнадцатого века с рабовладением в Колониях дело обстоит, как везде. Белые рабы наличествовали и воспринимались совершенно спокойно. Наличествовали также свободные негры, имевшие рабов, в том числе и белых. Этот факт старательно обходится сегодня всеми историками.

Человечество спокойно пережило феодализм, вступило в эпоху Индустрии, а рабовладение так толком и не было признано пройденным этапом.

Когда наладилась поставка из Африки, белых рабов в Америке держать стало невыгодно. Одна морока. Откуда мне знать, раб он или нет. Как его ловить, если он сбежит. Черного ловить проще: если черный и бежит, значит – беглый раб. Хватай и заставляй признаваться, кто хозяин, получишь от хозяина вознаграждение.

Затем на стремительно индустриализирующемся Севере потребность в рабах отпала совсем, содержать их стало безумно дорого и нерентабельно, и, без всякой помпы, штат за штатом стал запрещать на своих территориях рабовладение. Кроме этого, в нескольких штатах, присоединившихся к Союзу в девятнадцатом веке, рабов не было изначально.

Казалось бы – все хорошо, а дальше будет лучше, но наметился, увы, порочный круг.

Во-первых, как это всегда бывает, освобожденные рабы оказались в еще худших условиях, чем были раньше. Денег нет, и на работу никто не берет. Хоть пропади. И многие ехали в рабовладельческие штаты и там продавали себя в рабство.

Во-вторых, естественный отбор никто не отменял. Часть населения, проведшая больше века в рабстве, дает потомство, склонное к рабству, поскольку протестующие отсеиваются – и хозяевами, и собственно женщинами, которые ищут в будущем муже надежного отца для будущих своих детей, а не безумного повстанца, который, поди, еще и изменять ей будет.

После отмены рабства сословный менталитет продолжает доминировать. Большая часть потомков рабов отличается от остального населения цветом кожи. Круг замыкается. Если ты черный – место твое в местах для черных, в трущобах, в нищете, сиди, не высывайся, никаких прав у тебя нет.

И всё это несмотря на то, что в других рабовладельческих странах той же эпохи (в Германии и России, например) процент рабов по отношению к населению был значительно выше, чем в Америке. Но, будучи одного цвета кожи с людьми свободными, рабы эти были (в историческом смысле) менее на виду, и, освободившись, некоторые из них, или же их дети или внуки, занимали положение в обществе, сравнимое с положением бывших рабовладельцев. Не все, но некоторые.

Потомки рабов во всех странах сходны: менталитетом, манерами, характером. Естественный отбор и разница в классах продолжают свое пагубное дело. Но в Америке больше контрастов, чем в других странах – из-за, опять же, цвета кожи.

Во всех бывших рабовладельческих странах основную популяцию детдомов составляют именно потомки рабов (серфов в Англии, крепостных в России – названия разные, суть одна). В Америке контраст: почти все детдомовские – черные. В России: контраста меньше. Посему бездетные белые американские пары, в виду дурости своей, предпочитают усыновлять обитателей РУССКИХ детдомов. И даже становятся в очередь и платят несусветные деньги, хотя могли бы усыновить черного мальчика или девочку из местных бесплатно.

Потомок русских крепостных может, при определенных личных качествах, перейти в другое сословие, ибо, несмотря на простецкие черты лица, все же имеет белый цвет кожи – а мало ли бывает простецких лиц в любых сословиях!

Черные же американцы в этом смысле – обречены. Возможно, на много еще поколений вперед. Они могут быть интеллигентными, рафинированными, или богатыми – это никого не волнует. Цвет кожи свидетельствует о происхождении.

Но, может, в ком-то проснется наконец чувство сострадания, и возжелает он поменять местами потомков рабов и потомков хозяев?

Частично это уже произошло. И в Америке, и в России. Результаты пока что весьма неприглядные. Борьба за справедливость ни к чему другому никогда не ведет. Справедливости не бывает. Бывает милосердие.

Глава седьмая. Сага о помощи

Томас Джефферсон не раз посещал Президента в резиденции, доверительно толкуя ему о помощи бывшим союзникам – то бишь французам. Мол, они нынче (союзники) остро нуждаются – в еде, одежде, золоте и солдатах. Всё это мы можем им дать, и будет это выглядеть, как будто мы им платим долг чести. Они, союзники, устроили у себя справедливую революцию, свергли тиранию, и за это вся Европа на них ополчилась и кинулась их завоевывать. Возвращение долгов есть – хороший тон, господин Президент.

Вашингтон, поправляя парик с недовольным видом, отвечал дипломатично:

– Ты, Томми, не дури, знаешь ли. Ты хоть и государственный секретарь, а соображения у тебя никакого. Союзника нашего звали Луи Шестнадцатый. Действительно, он был верный союзник. И генерал Лафайетт был союзник и соратник, что и доказал на поле брани. А дружки твои в Париже оттяпали Луи Шестнадцатому башку на площади [бывшая Площадь Революции, нынешняя Площадь Согласия, Пляс де ля Конкорд. В. Р.!] Это как же, достойное поведение, по твоему? А? Законного правителя – не сослали, не определили в простые граждане – а попросту убили! Без всякого закона, без приговора! Так вот – не будет этим гадам из мещанского сословия никакой помощи от нас – ни государственной, ни частной.

Почтенному собранию предлагается вычислить – был ли сей отказ мотивирован памятью об операции Черный Ястреб, или же государственными интересами, а то и собственно логикой рассуждений Президента.

Площадь Согласия (Конкорд) в Париже

Глава восьмая. Конституция и религия

Автором Конституции Соединенных Штатов считается Джеймс Мэдисон, хотя, конечно, места, где Джефферсон приложил руку, видны невооруженным взглядом. Также видно, что и где написано под непосредственным влиянием Бенджамина Франклина.

При составлении и принятии этого документа было очень много споров и драк, и, в общем, спорящие разделились на два лагеря – лагерь Томаса Джефферсона и лагерь Александра Гамильтона.

Гамильтон, не имеющий (по этой самой Конституции) права быть президентом США (поскольку родился вне страны, на островах), был федералист, сторонник сильной централизованной власти.

Джефферсон прочно стоял за самоуправление на местах.

Факт, который историки обычно обходят стороной – о формах правления спорили долго, и демократия вовсе не была безоговорочно принята, как лучшая из возможных форм. Согласно одной версии были даже предложения, серьезно обсуждавшиеся, создать конституционную монархию (с назначением Джорджа Вашингтона королем).

Тем не менее, Закон Земли Нашей (the Law of the Land) составлен был таким образом, чтобы государственную власть рассредоточить как можно надежнее (боялись возможного диктаторства и вмешательства власти в дела, которые ее не касаются). После многочисленных споров к Конституции были добавлены десять поправок (известные сегодня как Американский Билль о Правах).

Сегодня, когда упоминание Бога, молитву в школах, и так далее, разные умники называют «антиконституционными», неплохо вспомнить слова главного автора документа (кои слова НАМЕРЕННО ЗАМАЛЧИВАЮТСЯ), произнесенные при принятии Конституции:

«We've staked the whole future of American civilization not on the power of government, far from it. We have staked the future of all our political institutions upon the capacity of each and all of us ... to Govern ourselves according to the commandments of God. The future and success of America is not in this Constitution, but in the laws of God upon which this Constitution is founded».

То есть:

«Мы доверили будущее американской цивилизации не власти правительства, вовсе нет. Мы доверили будущее всех наших политических институтов способностям всех и каждого ... управлять собой в соответствии с заповедями Бога. Будущее и успех Америки не в Конституции, но в законах Божьих, на которых эта Конституция основана».

Некоторые из составителей и подписантов документа (в том числе Джефферсон) хотели заодно запретить, навсегда, любые политические партии. Не вышло. А жаль.

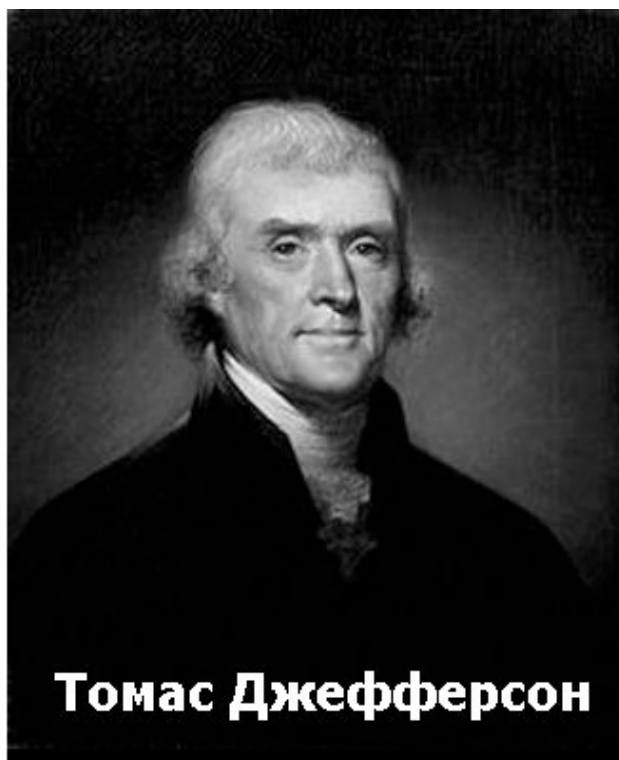
Конституция давала право голосовать на выборах всем белым мужчинам, достигшим восемнадцати лет, являющимся гражданами Америки, и имеющим собственность. Идея заключалась в том, что, мол, ежели умеешь управлять хозяйством настолько, что собственность не растерял, то и в управление страной вполне годишься. Уже тогда такая постановка вопроса вызвала массу протестов.

Первым Президентом стал Джордж Вашингтон, не принадлежавший ни к одной политической партии. Его выбрали и на второй срок. В третий раз Вашингтон, не баллотировавшись, все равно набрал (возможно по инерции) два процента от общего количества голосов. Вторым Президентом стал Джон Адамс, а третьим Томас Джефферсон. С приходом к власти

Джефферсона начались в стране весьма интересные и познавательные события. Но это уже другая история.

Глава девятая. Томми

На сегодняшний день Томас Джефферсон – самая незаурядная личность в американской политике. Ван Берен был барин, Бьюкенана и Линкольна подталкивали стихийные события, Франклину Делано Рузвельту помогала создававшаяся сама собой абсурдность обстановки, Кеннеди сделали рекламу газетчики. Джефферсон стоит особняком. Он сам по себе. Он личность вне зависимости от обстановки.

Томас Джефферсон (художник: Рембрандт Пил)

Джефферсон был рабовладельцем, уроженцем штата Вирджиния, на стыке Севера и Юга, самого неумного штата Америки.

Влюбленный без памяти в свою рабыню (на четверть черную, на три четверти белую, по слухам – необыкновенной красоты), начал с ней роман, когда ей было всего четырнадцать лет. Впрочем, может, она рано повзрослела. Так или иначе, в Париже у нее были большие возможности, но она осталась Джефферсону верна. Очевидно, тоже любила. У них было множество детей. Также у него, Джефферсона, было множество детей от законной супруги. Не помню, сколько. Многочисленные потомки Джефферсона, белые и черные, шляются по миру до сих пор и везде, где они появляются, начинается брожение умов.

Победив на выборах, Джефферсон занялся наконец политикой. До этого он занимался только идеологией и эпикурейством.

Было начало девятнадцатого века. Огромные территории Луизианы (тогдашняя Луизиана – это не сегодняшний штат – названная так в честь Людовика Четырнадцатого, Луизиана включала земли от Мексиканского Залива до границы с Канадой, четверть сегодняшней Америки) принадлежали когда-то Испании, и только что по договору отошли ко Франции. Американский посол в Европе пытался вывести испанцев и Наполеона на чистую воду, но они

договор отрицали. При этом на территории Луизианы стоял полумиллионный французский контингент, а испанцы всерьез занялись Мексикой.

Когда Наполеон говорил о власти над миром, он не трепался попусту – он имел это в виду.

Наполеон Бонапарт

Территория была нужна также и Джефферсону. И испанцам. И даже англичанам. Территория вдоль Миссиссиппи – плодородная неразработанная земля, невиданное нигде в мире речное сообщение, хлопок, и так далее.

Джефферсон терпеть не мог военные конфликты. Они отвлекали его от его эпикурейских занятий. Поэтому вместо того, чтобы объявлять войну, он просто послал к Наполеону посла, прорепетировав с ним текст. Экспансия началась мирным путем.

Джефферсон безусловно учел к этому моменту – положение Наполеона, завязшего в полудюжине европейских конфликтов, а также отсутствие у Наполеона чувства юмора. Он рассчитал, и весьма правильно (как оказалось), что Наполеон примет шутку всерьез.

Посол Джефферсона сказал буквально следующее —

– Ваше величество! В данный момент в Луизиане находятся не то триста, не то четыреста тысяч ваших многоуважаемых солдатен. Вивь ля Франс. Завтра, вивь ля Франс, мы можем послать туда четыре миллиона штыков. Вивь ля Франс. Американского производства. Вивь ля Франс. Двадцать миллионов долларов – окей?

– Двадцать миллионов – за что? – спросил Наполеон, держа, по привычке, руку за обшлагом сюртука.

– А за Луизиану, – ответил посол. – Такая земля. Речка там еще течет широкая такая. Вивь ля Франс и вивь лично вы, ваше императорское величество.

Сказав свое любимое (если верить историкам) слово – *merde!* ... – Наполеон согласился.

С этого момента стал стремительно расти город под названием Новый Орлеан. По слухам, безусловно пустячным, но интересным, именно туда привезли похищенного со Святой Елены Наполеона. На доме даже табличка висит. На первом этаже бар. Я там пивал, пивал бордо. Очень даже неплохое бордо. И везде гравюры с портретами Наполеона.

Отработав президентом два срока, Джефферсон ушел на пенсию и заделался обыкновенным фермером. Он сказал много чего интересного в жизни. Ему приписывается (вроде бы) изречение – Французы хотят для себя американских законов, но у них нет для этого американских граждан. Это легенда. Может было, а может нет.

Не легенда – это изречение из его уже фермерской жизни в Вирджинии —

– Если мы будем спрашивать у федеральных властей в Вашингтоне, когда и как нам сеять, и когда собирать урожай, мы завтра останемся без хлеба.

Возлюбленную Салли он освободил – в завещании. Типа, мне лучше знать, и тебе, и мне спокойнее, если ты будешь моей рабой, пока я жив. А то мало ли что в головушку твою буйную тебе взбредет, дура.

Джефферсон оставил неимоверное количество заметок и эссе – обо всем на свете. О гражданственности, о Конституции, об истории, о христианстве, о рабовладении, о белых и черных (к последним относился по-отечески и свысока, но отдавал себе отчет в неправомерности и неправомотности именно принижения черной расы).

Собственно рабовладение здесь не причем. За пять лет до рождения Джефферсона раб в Америке, как и во всех других странах, кроме тех, где рабовладение (серфы, крепостные, и т. д.) было запрещено – вполне мог быть белым. Этот факт обходится историками.

При этом удивительно, что до сих пор не цензурирован в этом смысле роман Роберта Луиса Стивенсона «Похищенный». Действие романа происходит в 1760-х (кажется) годах, героя (наследника, у которого дядя отобрал наследство и статус) везут в Америку – продавать в рабство.

К этому прибавим забавность ситуации. В КАКУЮ Америку его везут? ОЧЕНЬ возможно, что не в Соединенные Штаты, но в еще не присоединенные территории Луизианы. Испано-французские.

По выходе Джефферсона в отставку и переезде в Вирджинию, последующая администрация обнаружила, что Белый Дом должен десять тысяч долларов за бордо! (Уж не знаю я, запутался, сколько это на сегодняшние деньги, но, очевидно, умопомрачительная сумма, учитывая, что подоходного налога на простых граждан тогда не было).

Забавен пассаж из эссе Джефферсона, где он упоминает черных, сегодня все черные радикалы его приводят в доказательство гадства белых людей вообще. Написано там более или менее следующее —

«Черные не заливаются краской и не бледнеют при изменении внутренних чувств, и это – бедность выражения лица, в то время как у белых эти изменения цвета прекрасны в художественном смысле. Черные много секретов выделяют через поры кожи, намного больше, чем белые, поэтому от них сильно пахнет. Черные очень любят предаваться бездумным празднествам, в которых не участвует мысль. Очень суеверны. В опасных ситуациях, в бою, например, черные не менее смелы, чем белые, но это просто потому, что не могут себе представить последствий своей смелости, им не хватает воображения».

Население Соединенных Штатов во время Войны За Независимость (она же – Революция) – год 1775-й – около пяти миллионов.

Население Соединенных Штатов во время президентства Джефферсона – около четырнадцати миллионов.

Население России в это же время – около двадцати четырех миллионов.

Население Франции (кажется, точно не помню) около двадцати пяти миллионов.

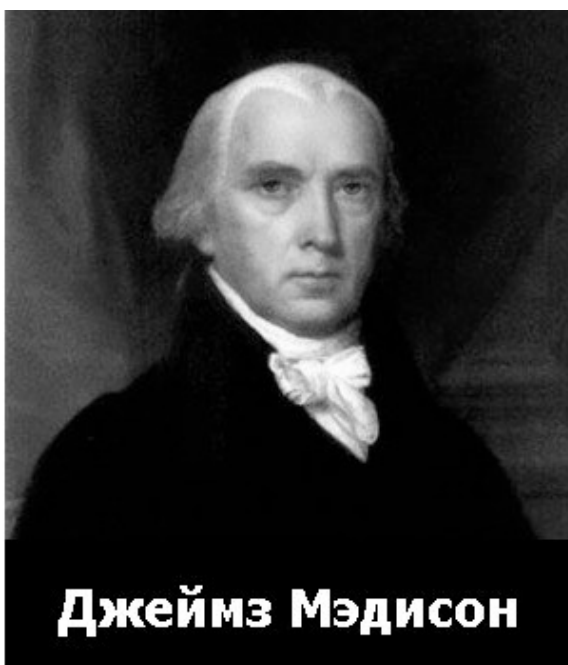
Глава десятая. Война г-на Мэдисона

В 1812-м году началась наконец Самая Первая Мировая Война. Не Первая, а Самая Первая. Опять Джордж Третий и, как это у Байрона —

In my hot youth, when George the Third was king...

Эдгару По было три года, Вашингтону Ирвингу (фонтан литературных сюжетов, которые потом заимствовали у него все, кому не лень, во всем мире) двадцать девять, а мир был занят войной. Воевали все подряд, со всеми подряд.

Президент Джеймс Мэдисон, официальный автор Конституции, не был занят в военных конфликтах, и это его угнетало. Зубоскалившие по этому поводу как раз и придумали, что конфликт с Англией именно из-за этого и был учрежден. И называли войну 1812-ого года «Войной г-на Мэдисона». Мэдисону сие было неприятно. Возможно также неприятно ему было, что жена его пользуется большей популярностью, чем он сам.

Джеймс Мэдисон. Художник: Джон Вандерлин

Долли Мэдисон была дама забавная, смешливая, простых нравов. Вешала веревки поперек главной гостиной Белого Дома и сушила на них белье. Принимала у себя всех подряд, ездила ко всем подряд — в общем, была народная любимица.

Правда, Мэдисон был, помимо всего прочего, человек умный. А это всегда приятно.

Британский Парламент, чтобы не сидеть без дела, издал некие Указы Совета, запрещающие частично всяким посторонним кораблям мотаться по Атлантике туда-сюда без особой грамоты с печатью. Указы подписали, ратифицировали, положили под сукно, и тут же о них забыли. Американский Конгресс решил, что это против них написано. Мэдисон выступил с речью. Было решено объявить англичанам войну. И объявили.

Англичане ужасно обиделись, снарядили несколько флотилий, и поехали присоединять Америку обратно. Сперва было весело. Потом война затянулась и стало грустно. Потом конфликт усилился. Все Восточное Побережье было блокировано, свежая флотилия под предводительством адмирала Кокберна прибыла в Чесапикский Залив. Вашингтон был эвакуирован. Англичане вошли в город, постреляв в окрестностях и уложив нескольких фер-

меров, а в городе – накидав в пустые здания факелов. В том числе – сожгли к свиньям пустующий Белый Дом. В Бостоне и Чарльзтоне американцы держали оборону. Новый Орлеан был взят, и англичане под шумок собирались оставить его себе вне зависимости от исхода конфликта. Противостояние затянулось. Через три года был подписан мир, в Бельгии, между Англией и Америкой, но вплоть до ратификации военные действия прекращать никто не собирался, а также не собирались отдавать Новый Орлеан.

Здесь вступает в дело Андроу Джексон – авантюрист, проходимец, карьерист, дуэлянт, остроумец, мыслитель, неумный и неудержимый. Тощий – камзол на нем болтается как на вешалке. Сын иммигрантов – ирландца и шотландки. Но – уроженец Юга, и истый южанин по воспитанию и темпераменту. Родившийся в избе-срубе.

Президент Андроу Джексон

В свое время стал сожительствовать с женщиной, которую вроде бы бросил муж. Потом муж умер, и Джексон на своей даме женился. Но был очень чувствителен к скабрешным шуткам по этому поводу. И однажды с кем-то сильно поспорил. С человеком по имени Дикенсон. И вызвал Дикенсона на дуэль. У Дикенсона была репутация лучшего стрелка всех штатов Юга. Выбор оружия был за ним, и Дикенсон выбрал пистолеты.

Им пришлось пересечь границу штата (вот не помню! – Миссури или Теннесси?), поскольку в данном штате дуэли были запрещены, а в соседнем нет. Рано утром противники стали в позицию и получили сигнал стрелять. Дикенсон прицелился, выстрелил, и попал. Говорят, Джексона спасла пуговица и худоба. Пальто на нем болталось, создавая дополнительную защиту от пули, а пуля угодила в бронзовую пуговицу. Прошла через пальто, сломала два ребра, и застряла где-то возле сердца. Также говорят, что вытащить ее (в то время) было невозможно, и Джексон так с ней и проходил всю жизнь. В общем, Джексон схватился левой рукой за грудь. А правой поднял пистолет. Дикенсон отступил на шаг, ошарашенный, и сказал – как! я, что, промахнулся? Ему указали, что нужно встать обратно к отметке. Он пожал плечами непринужденно, сделал шаг вперед, и скрестил руки на груди, не бросая пистолет. Джексон прошил его выстрелом насквозь. К вечеру Дикенсон умер. А Джексон провалялся неизвестно сколько времени в бреду и горячке, но выздоровел и пошел в гору.

Был очень красноречив. Умел вести за собой людей. Много читал. Неплохо разбирался в истории. Любил острить.

В битве за Новый Орлеан, длившейся два месяца, участвовало очень много разношерстного народа, в том числе из меньшинств. На стороне англичан участвовали черные солдаты с Джамайки, а также луизианские черные рабы, которым за участие обещали свободу. На сто-

роне Джексона участвовали свободные луизианские негры, некоторые из которых имели рабов. С обеих сторон участвовали индейцы. Участвовали и армия и флот. Восьмого января состоялась решительная баталия, в которой генерал Джексон, имея вдвое меньший контингент, прошел по англичанам катком.

В Новом Орлеане по этому поводу сделались смешанные чувства. Половина города превозносила Джексона, другая половина ненавидела.

Так или иначе, на главной площади, перед собором Святого Людовика, Джексону поставили конный памятник, в бронзе, на солидном пьедестале (к этому пьедесталу мы еще вернемся – через пятьдесят лет).

Цивилизованный мир явно устал от войны. Хотелось роскоши, беззаботных развлечений, цветов, шампанского. Следующий президент, Монро, автор «Доктрины Монро» обманул надежды Хенри Клея, который рассчитывал стать министром иностранных дел. Назначил вместо него Джона Квинси Адамса, сына второго президента Америки (и будущего президента! – у Бушей были предшественники). Жена Монро, Элизабет – светская дама, предпочитающая проживать в Париже. Белый Дом отстраивается и модернизируется, и обставляется парижской мебелью. Инаугурационный бал дается такой роскошный, что самому Монро становится стыдно (а жена радуется). Помимо этого, Элизабет Монро привозит из Европы титул «Американской Красавицы», и Монро тайно ревнует.

Наполеон торчит на Святой Елене. Российская Империя вступает в свои права, как «Жандарм Европы». Правит Британия морями.

Во время войны рождаются, в одном и том же году, в Италии и Германии, Верди и Вагнер. Четверка оперных театров в Новом Орлеане ждет зрелости этих двух композиторов. Но увы, увы... Новый Орлеан ОЧЕНЬ хочет быть культурной столицей обеих Америк. Увы.

Джузеппе Верди и Рихард Вагнер

Здесь начинается, хоть и с большим запозданием, действовать исторический закон отношений севера и юга, единый для всего мира.

Север – культурный богатый центр, оплот и так далее. Но собственно культуру страны создают (почти всегда) приехавшие на север южные провинциалы с комплексом неполноценности. Они рождаются и растут на своем юге, где они никому не нужны. Оказываются востребованными на севере. После чего юг их канонизирует.

Именно с этого времени, с Доктрины Монро, с разделения на индустриальный Север, агрикультурный Юг, и плохо разведанный Запад, начинается великое противостояние Севера и Юга. Оно не окончено до сих пор. Перемирие подписано – но никем не признано.

Война Англии и Америки 1812-ого года известна еще одним интересным эпизодом.

В 1750-м году в Англии родился некто Джон Стаффорд Смит, ставший впоследствии церковным органистом, композитором, и коллекционером рукописей Иоганна Себастьяна Баха. Еще подростком Смит вступил в лондонский клуб музыкантов-любителей, называвшийся «Анакреоническое Общество» (по ассоциации с придворным поэтом древней Эллады Анакреоном). Общество решило написать что-то вроде символической застольной для себя, и Смигу было поручено заняться музыкальной частью. Напомню, что Моцарт-младший (который Вольфганг Амадеус) родился на шесть лет позже Смита и во время оно под стол пешком ходил (ну, хорошо, гастролировал с отцом по Европе, играл на роялях с завязанными глазами, и так далее, но до музыкальной блистательности было все еще очень далеко). Смит, обожавший Баха, вдохновлялся музыкой этого композитора, а также шотландскими напевами, да и Генелем тоже не пренебрегал. И ему удалось сочинить весьма красивую, стильную мелодию, трудноватую для исполнения. Стихи написал президент клуба Ральф Томлисон.

Песня вошла в большую моду и распевалась всей Англией, и всеми колониями, очень долгое время.

В сентябре 1814-ого года (война все еще была в полном разгаре), тридцатипятилетний американский адвокат (и поэт-любитель) по имени Франсис Кей плыл в Балтимор на шхуне с белым переговорным флагом. Цель его была – добиться освобождения Уильяма Бинза, пожилого, любимого в округе Верхнего Марлборо, доктора и друга Кея, которого оккупировавшие Вашингтон англичане взяли в плен, и который обвинялся ими в укрывании английских дезертиров. Кей прибыл на флагманский корабль англичан и участвовал там в корабельном обеде с генералом Робертом Россом и адмиралом Александром Кокрейном – в то время как те обсуждали военные планы. Сперва генерал и адмирал отказывались отпустить доктора, но после того, как Кей показал им письма, написанные английскими ранеными пленными, хвалившими Беанза и других американцев за доброе отношение к ним, пленным, отношение, согласились.

Чтобы Кей не разгласил сведений о надвигающейся баталии, которая обсуждалась за обедом, его оставили на флагманском судне до предполагаемого конца сражения. Перед самым сражением его перевезли обратно на его шхуну, стоявшую позади строя фрегатов и не имеющую возможности пройти к берегу. С него взяли честное слово, что он не попытается бежать. В семь утра британский флот атаковал форт МакХенри, и атака эта положила начало Сражению при Балтиморе. Обстрел форта продолжался весь день и вечер, и кончился далеко за полночь. В рассветных лучах Кей, вглядываясь в берег, увидел упрямо развевающийся над фортом американский флаг.

Прибыв на берег, Кей в патриотическом порыве написал четыре станзы под названием «Защита Форта МакХенри». Впоследствии муж его сестры, прочтя стихотворение, заметил, что оно более или менее укладывается, с некоторыми натяжками, в музыку песни «Анакреонического Общества», все еще известной в англоязычных странах. Стихи отнесли в типогра-

фию и напечатали без подписи, в Балтиморе, через три дня после сражения. В газете, напечатавшей стихи, указывалось, что их можно петь на известную всем мелодию. Несколько газет в других штатах перепечатали текст с такой же пометкой, а Томас Карр, владелец музыкального магазина в Балтиморе, опубликовал слова вместе с партитурой, заменив при этом название на «Звездами Усыпанное Знамя». В этом виде песня стала популярной с легкой руки балтиморского актера Фердинанда Дуранга, спевшего ее в таверне.

Через сто шестнадцать лет песню эту официально объявили национальным гимном Соединенных Штатов Америки.

Дословный перевод первого куплета (который в основном и исполняется) такой —

О скажи, видишь ли ты
В ранних лучах рассвета
То, чему так гордо мы салютовали
В последних отблесках сумерек,
Чьи широкие полосы и яркие звезды
Сквозь яростный бой
На который мы смотрели из-за валов
Так великолепно струились на ветру?
И красное зарево ракет,
И бомбы, разрывающиеся в воздухе
Всю ночь давали нам знать,
Что не исчез наш флаг.
О скажи, это звездами усыпанное знамя развевается ли все еще
Над землею свободных и родиной храбрых?

Глава одиннадцатая. К вопросу о демографии

В эпоху президентства Джефферсона был принят федеральный закон, запрещающий ввоз в страну рабов – во всех штатах, по нескольким причинам. Во-первых – неприлично. Во-вторых (по мысли Джефферсона) – рабство вообще грех, и должно сойти на нет само собой в скором времени. В третьих, и чуть ли не в главных – в то время, когда в Карибском Регионе ввоз рабов был обусловлен тем, что они там плохо плодились и быстро умирали, в Соединенных Штатах черное население стремительно росло.

В начале девятнадцатого века борьба женщин за равноправие стала модной темой. В частности, сама Долли Мэдисон была феминистка, суфражистка, и так далее.

Дело, правда, не в этом. А в том, что за всеми этими политическими ходами, которые больше всего привлекали внимание, в Америке стартовал интересный процесс, который сперва и не заметили даже толком.

В страну начали прибывать иммигранты из Германии и Ирландии. Поток то увеличивался, то сходил на нет, то вдруг бурно разрастался. Принято выделять две больших немецких волны и две ирландских, но это очень условно.

Ирландцы дали Америке ее литературу, как в ранние века, но и в обсуждаемое время тоже, дали литературу Англии. Честно говоря, если покопаться, может и еще какой-нибудь стране они ее дали. В талантливых литераторах любой страны следует подозревать ирландские корни. Ирландцы очень остроумно умеют говорить, и также остроумно иногда пишут. А темы у них преимущественно глобальные. Существует американский анекдот – Зачем Бог изобрел виски? Чтобы ирландцы не захватили власть над миром.

А с немцами совсем интересно. В данный момент этнические немцы – самая большая этническая группа США, впереди англосаксов. Но и это не очень важно, а важно вот что. В Германии наличествовало крепостное право. Европу раздирали войны, политические конфликты, очень высокие по этому поводу налоги, привязки к земле крестьян, наследие язычества и междоусобиц, и прочая и прочая. В Америке ничего этого не было. Америка – очень большая страна. Земля (учитывая территории, приобретенные Джефферсоном, да и Восточное Побережье тоже) – огромна, и стоит гроши, хоть купить, хоть в аренду, хоть в аренду с правом покупки в дальнейшем. Помимо этого, права на эту землю, легально полученные, охраняются впоследствии законом, который в Америке, благодаря этике пилигримов, чтут, и произвол не допускается даже со стороны федеральных властей. Религиозные убеждения не преследуются. Северных немцев, католиков, больше никто не будет ненавидеть и притеснять. Южных немцев, лютеран, тоже. Представители самой работающей нации на земле почувствовали свободу и вцепились в нее и в землю стальной немецкой хваткой. И стали строить фермы и обхаживать участки. И за два десятилетия подняли американское сельское хозяйство на невиданную, беспрецедентную высоту. К тому же помогала сама земля – самая благодатная на планете. О недоедании вне городов забыли начисто. В городах иногда в дело вмешивалась индустрия, и даже политика, но и там жили сносно. Даже в пик индустрии.

Нищенствующий Джек Лондон в молодости – нуждался очень сильно, ел всякую гадость, одевался плохо, жил в каморке. Но – каморка была своя. А на пропитание он зарабатывал себе так – на три месяца в году уходил в море матросом. Остальные девять месяцев жил в каморке и занимался самообразованием. И пытался писать. В Европе это было – совершенно невозможно, ни в каком году, ни в каком веке.

Джек Лондон, литератор

Впоследствии разбогатевшие немецкие фермеры посылали детей учиться в престижные университеты, и дети эти занялись и строительством. Заодно. А уж когда немцы строят – то строят. На века.

Одновременно с этим шел негативный процесс – мобильное население Америки, постоянно перемещающееся с места на место, любило моду и не любила старое. Это переросло в манию. Каждый ухарь, прикупивший себе особняк, считал своим долгом его непременно перестроить на современный лад. Так погибло, почти полностью, уникальное колониальное барокко.

В это же время начал стремительно разрастаться и отстраиваться главный город Нового Света – Нью-Йорк. Аристократия постепенно покидала Филадельфию. Снобистский Бостон оставался академическим, но потерял статус культурного центра. Чикаго был весь деревянный и глупый. Новый Орлеан очень сопротивлялся растущему влиянию Нью-Йорка, но его давили тарифами (что и привело, отчасти, к Гражданской Войне). А сам Нью-Йорк рос, ширился, хорошел, и к середине века уже никто не сомневался, где настоящая столица страны. Вашингтон – всего лишь Камелот, или разросшийся административно Версаль. Чтобы городу приобрести статус главного, ему нужно стать привлекательным для всех слоев общества. Нью-Йорк стал.

Стену, охранявшую южную оконечность – сердце города – от набегов индейцев, давно снесли, теперь она была уже не стена, но Улица Стены, впоследствии знаменитая Уолл Стрит. В западном ее конце высилась, и высится по сей день, Троицкая Церковь, вокруг которой и строился город, как Париж вокруг Нотр Дама. Чудо техники и архитектуры – канал, входящий на милую городскую массив, засыпали, и он стал просто – Улица Воды. Город вышел за изначальные свои пределы. Холмы к северо-западу срыли, фермы убрали, появились фешенебельные улицы, сегодняшний Гринич Вилледж. По типу Пляс де Вож, бывшей Рояль, разбили огромный сквер (Сквер Вашингтона) и от него на север потянулась Пятая Авеню. И от южной оконечности острова Манхеттен, диагонально вверх пролегла другая улица, ставшая вскоре знаменитой – Бродвей.

Вашингтон Сквер и прилегающие дома

И, как в любой другой культурный центр, в город стали со всех концов света съезжаться люди – ремесленники, искатели счастья и приключений, и, конечно же, богема.

Глава двенадцатая. Олд Хикори

Президент Андрю Джексон во многом стал первым.

Например:

Первым президентом США, номинированным политической партией. С тех пор это вошло в моду. Жаль.

Первым президентом, родившимся в избе (срубе).

Первым президентом, ездившим на поезде. Ту-ту.

Первым президентом, на которого было покушение. Покушавшийся, некий Ричард Лоренс, в Конгрессе, когда Джексон направлялся к выходу, выстрелил в Джексона с десяти шагов. Был хлопок, но пуля не вылетела. Джексон обернулся и накинулся на Лоренса, размахивая тростью (не упоминается нигде, но можно себе представить, с какими именно словами, если помнить, кто такой Джексон). Лоренс вытащил второй пистолет и спустил курок. Пистолет дал осечку. Лоренса схватили и судили. На суде признан невменяемым. Посажен в приют для умалишенных. Американские конспирологи уверяют, что это был заговор иезуитов.

Усилил исполнительную власть (во всяком случае, так считается).

В тринадцатилетнем возрасте, принимая участие в Войне за Независимость, был взят в плен англичанами. Британский офицер приказал почистить ему (офицеру) сапоги. Джексон отказался. Офицер ударил его шпагой. Шрамы на лице и руке.

В юности изучал закон, сдал экзамен, получил лицензию, и стал адвокатом. Здесь следует сказать, что в те времена, и до конца девятнадцатого века, адвокаты не были похожи на сегодняшних. Общество было иное, и требования были иные. Востребованность и заработки адвокатов, включая самых известных, держались на их безупречной репутации. Известные адвокаты не могли быть прохиндеями просто по определению.

Репутация и умение Джексона-адвоката были достаточно хороши, чтобы купить несколько рабов (весьма дорогое удовольствие) и построить особняк.

Был избран в Палату Представителей от штата Теннесси, и затем, на короткий срок, в Сенат.

В чине генерал-майора участвовал в Войне 1812-ого года (упомянуто ранее).

В Конгрессе произнес речь о том, что Электоральный Колледж надо бы упразднить. Это, естественно, был ход в свою пользу, поскольку Джексон не сомневался, что при общенародном прямом голосовании он победит на любых выборах против кого угодно. И был прав.

За что и был осмеян газетчиками и карикатуристами, которые называли его Король Андрю Первый.

После избрания, но до инаугурации, умерла его жена, из-за которой он сражался на дуэли, и с которой он прожил тридцать лет. Джексон говорил всем, что она умерла от стресса, который случился из-за непрерывного поливания его грязью в прессе во время президентской кампании. Роль Первой Леди (т. е. хозяйки Белого Дома) выполняла племянница жены.

Во время второго его президентского срока, вице-президентом был светлой памяти Мартин Ван Берен, ничем особенным не отличившийся в последующей роли президента, кроме одного – протасил и утвердил закон, в соответствии с которым у несостоятельного должника на территории Соединенных Штатов можно отобрать все, что понравится кредиторам, кроме одного – свободы. Т. е., начиная с 1837-ого года долговая тюрьма в Америке запрещена федеральным законом. А первого своего вице-президента Джексон, не любивший разводить церемонии, выгнал ко всем чертям. Тоже первый такой случай в истории Америки.

Джексон ненавидел англичан (шрамы в зеркале всю жизнь лицезрел). Не любил индейцев, участвовал в свое время в походе против них. Будучи президентом, подписал Акт Убирания (Removal Act) по которому индейцам предлагалась компенсация и помощь по устройству на новом месте, ежели они уберутся к западу от Миссиссиппи. Лично мне это не нравится в принципе, но оправдание очевидное – индейцы на территориях Восточного Побережья выполняли роль сегодняшних ... ну, знаете ... в России. Я сторонник миссионерства и просвещения, как самых эффективных методов борьбы с негативной пассионарностью. А Джексон был парень горячий и не любил рассуждений на темы, а любил действие.

Два новых штата были приняты в Союз во время президентства Джексона – Арканза (в России его называют Арканзас, из-за написания) и Мичиган (с индустриальным Поселком Троих, ДЕ ТРУА, впоследствии центр американского автомобилестроения Детройт. (Весьма, кстати говоря, некрасивый город, по нескольким причинам, о которых ниже. Сегодня в центре Детройта белое население начисто отсутствует).

Отмахав два президентских срока, Джексон удалился к себе в имение с интересным названием – Эрмитаж (в переводе на русский – приют отшельника). Ворчать, писать, вспоминать Войну за Независимость. С особым умилением вспоминал историческую фразу Джона Пола Джонса.

...Джон Пол Джонс был капитан американского корабля. Американский флот находился в то время в зачаточном состоянии, до изобретения клиппера оставались десятилетия, корабли военные были смешные. Джонс капитанил на одной такой галоше, а матросы его были дилетанты без дисциплины, кто откуда, кто фермер, кто разбойник, кто и вовсе темная личность. Случилось Джонсу сойтись с английским военным кораблем. Обменялись они залпами. Англичане попали, и попали хорошо. Корабль Джонса начал крениться и собрался тонуть. Ни одно американское ядро по англичанам не попало. Да и был ли американский залп – неизвестно.

Капитан англичан в рупор крикнул Джонсу и команде – «Сдавайтесь!»

Тогда Джонс поднял свой рупор и крикнул в ответ – «Я еще не начал драться!»

Англичане стали на якорь, рассчитывая, что течение пронесет американцев мимо, и они утонут. Джонс умудрился отдать какие-то приказы команде, которая умудрилась что-то сделать наконец с парусом. И корабль Джонса понесло на англичан, которые не успели среагировать и дать еще залп. Джонс с матросами попрыгали на корабль англичан с обнаженными клинками и всех их повязали. После чего на этом же английском корабле поехали дальше – сражаться.

Ревизионисты этот эпизод оспаривают. Не знаю, зачем это им.

Глава тринадцатая. Вроде комментария к периоду

Мексиканскую Кампанию и Гражданскую Войну разделяют пятнадцать лет. Этот период в нескольких регионах страны называется Антибеллум – предвоенный. Сразу и в первую очередь Антибеллум ассоциируется с Новым Орлеаном.

О Мексиканской Кампании и Гражданской Войне я напишу отдельно. О Гражданской – даже не знаю, как писать. У меня есть начатая трилогия на эту тему. Но даже трилогией не охватить.

О Мексиканской Кампании ничего особенного не написано.

...О Гражданской Войне написано очень много глупостей, и, очевидно в связи с нашумевшим фильмом, роман Маргарет Митчелл записали в классику. Роман откровенно скучный и противный. Записывание в классику – дань расцвету феминизма. Псевдо-романтическую Хижину Дяди Тома (написанную именно в Антибеллум) тоже записали в классику, и ее тоже дама написала. И приводится (ВСЕГДА в неправильном контексте) фраза Линкольна, обращенная к авторше, когда та была на приеме в Белом Доме – «Так вы и есть та самая маленькая женщина, из-за которой нынче идет большая война?» Те, кто знаком по хроникам с характером и чувством юмора Линкольна понимают, что он просто издевался – правда, по доброду. Но писать об этом не принято.

А время было бурное! Революции полыхали по всему миру. И сразу две премьеры – в Милане и в Дрездене – изменившие историю оперы, утвердившие два новых и основных оперных жанра – «Риголетто» и «Лоэнгрин».

Глава четырнадцатая. Техас и Мексика

Президент Полк был мужик мрачноватый, не очень умный, бюрократ-прагматик, возможно первый такой в истории Америки.

О причинах Мексиканской Кампании написано много, и споров она вызвала тоже много. В принципе, конечно же, это была нормальная для растущего государства экспансия, присоединение новых, напрашивающихся на присоединение, земель, и одновременно превентивная мера, поскольку так или иначе Техас не мог быть независимым государством – слишком много разных сил было кругом. В частности, Мексикой и прилегающими территориями интересовалась Испания (кстати говоря, непрерывное противостояние Соединенных Штатов и Испании, в конце концов вылившееся в конце девятнадцатого века в войну, освещено историками безобразно плохо – об этом противостоянии мало кто знает).

На каддоанском племенном наречии слово ТЕЯС (название штата произошло именно от этого слова) означает – друзья, или – союзники. Название местности, используя слово, дали испанские путешественники. Альвар Нунес Кабеза де Вака, конквистадор, корабль которого затонул в Мексиканском Заливе, был первым европейцем, ступившим на техасскую землю (и, очевидно, первым, задавший самый первый в истории тупой техасский вопрос – «Это где же это мы с тобой, Родриго, приземлились, каррамба двуногая пещаная?»)

В 1685-м году Рене Робер Кавелье де Ла Салль построил форт Святого Людовика (не путать с городом) и территория стала принадлежать короне французской.

Весь восемнадцатый век Испания посылает в Техас миссионеров, и они строят церкви и создают общины.

Незаметно техасские территории одна за другой отходят к Мексике.

В 1823-м году Стивен Ф. Остен основывает в регионе реки Бразос колонию из трехсот семей. Потомки их по сей день называют себя «потомками Старых Трехсот».

В 1832-м году происходит конфликт между англоязычными колонистами и правительством Мексики. Случается битва. Потом еще одна.

Помимо всего прочего, в Мексике запрещено рабство, а техасцы саксонского (а также испанского и французского, и даже ирландского происхождения) пользуются трудом рабов.

Размеры конфликта – смешные. Техасские территории (в то время их было в полтора раза больше, на севере Техас граничил с Вайомингом, это половина Западной Европы) охраняются контингентом в двести человек! В «Битве Концепции» участвуют 90 англоязычных поселенцев, берущих верх над мексиканской армией, насчитывающей аж 450 человек. То бишь, просто деревенская драка, по большому счету.

1836-м году Техасское Самоуправление подписывает и ратифицирует Декларацию Независимости.

Мексика реагирует посланием пяти тысяч солдат в Аламо, который защищают сто девяносто англо-техасцев во главе с Уильямом В. Трависом. Осада длится две недели. В результате погибают ВСЕ защитники Аламо, до последнего.

Полковник Джеймс Фаннин, принимая бой с мексиканскими силами при Голиаде, во главе пятисот человек, отступает и сдается. Все его войско берут в плен. И после этого уничтожают физически (по приказу).

Мексиканский генерал Санта-Анна подавляет восстания и преследует всех подряд мятежников, говорящих на любом языке, кроме испанского. В этот момент с техасской неожиданностью на сцену выходит генерал Самюэль Хьюстон и, давая неожиданный отпор, побеждает мексиканцев в битве при Сан Хасинто, потеряв всего девять человек и противостоя со своими восьмьюстами неучами вдвое превосходящим силам (размеры контингентов по-прежнему несерьезные), и берет бравого мексиканского генерала в плен.

В мае 1836-ого года пленным генералом и генералом Хьюстоном подписывается в Веласко мир. Техас становится независимым государством, ПРИЗНАННЫМ ведущими державами мира (в их числе Британская Империя, Франция, Российская Империя, Италия, Мексика, и СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ).

По этому поводу с техасской непосредственностью начинается строить город Хьюстон, названный в честь бравого генерала. Республика Техас – вообще вполне комичное государство. В 1837-м году генерал Хьюстон с той же непосредственностью делает город Хьюстон столицей республики. Но уже в 1839-м году правительство переезжает в Остен – гораздо более древнее поселение, хоть и недавно переименованное.

В 1842-м году мексиканские силы в количестве пятисот человек захватывают Сан Антонио, но вскоре оттуда уезжают.

В сентябре того же года полторы тысячи мексиканских солдат снова захватывают Сан Антонио. Происходит сражение. Мексиканцы уходят, прихватив сотню пленных.

В избирательной кампании будущий президент Полк обещает присоединить Техас к Соединенным Штатам. (Переговоры о присоединении и федеральной защиты от Мексики велись с предшественником Полка, президентом Тайлером).

Как всегда, помимо территорий, в конфликт замешаны деньги и личные счета всех со всеми, и целая армия женщин, от блондинистых анлотехасских до чернущих власами, коротконогих, кряжистых, но порой весьма привлекательных, мексиканских.

Так или иначе, федеральные войска Соединенных Штатов двинулись на юг.

В Америке эту войну называют Американо-Мексиканский Конфликт, Мексиканская Кампания, и еще всяко. В Мексике, помимо официальных названий, война эта также называется «Агрессией С Севера».

Так или иначе, конечная цель федеральных войск – дойти до столицы Мексики и заставить всех подписать все. По началу продвижение (по пересечении Рио Гранд) дается с большим трудом. В дело вступают серьезные многотысячные контингенты. Потери приблизительно равны с обеих сторон до определенного момента.

После чего происходит чудо. После взятия Монтеррея американцы начинают продвигаться быстро, их потери резко снижаются, а мексиканские потери начинают стремительно расти. На подходах к столице соотношение потерь американцев и мексиканцев составляет один к семи. Никаких моральных или психологических (или материальных, снабженческих) причин тому, вроде бы, нет.

Отвлекаясь и задумываясь над этим вопросом, следует признать, что в 1845-м году на территории Мексики начал действовать хорошо подготовленный американский спецназ. А кто, зачем и когда его готовил – неизвестно. (Хотя, конечно, автор этих строк написал на эту тему роман, похожий очень на правду. Дело в том, что в 1845-м году весь мир был опутан, как и сейчас, тайными обществами. Но, в отличие от сегодняшнего дня, тайные общества в девятнадцатом веке были менее бюрократизированы, более эффективны, и, самое смешное – меньше скрывались. Поэтому известны их названия. Тайное общество, помогавшее генералу Тейлору в Мексиканской Кампании называлось – Рыцари Золотого Круга. Состояло оно из очень разнородных людей, насчитывало несколько тысяч человек, и, очевидно, имело своих боевиков, умеющих внедряться куда надо и когда надо).

Штурм Мехико-Сити не был штурмом в прямом смысле слова. В то время столица страны окружена была толстой стеной, защищавшей ее вроде бы от набегов индейцев. Ворота заперли. Американцы подкатили артиллерию и одним залпом пробили в стене дыру, достаточную для прохода всей армии.

Еще интересная деталь. В этой войне в первый раз в истории серьезно проявился межконфессиональный конфликт в американской армии. Командование состояло из англопротестантов, естественно. Но часть контингента и младшего командования составляли этниче-

ские (а иногда и всамделишные, прибывшие давеча в поисках счастья и материальных благ) ирландцы и поляки. Получение американского гражданства в военное время в девятнадцатом веке для молодого боеспособного эмигранта было элементарным – сошел с корабля, переплывшего с грехом пополам Атлантику, подписал бумагу, получил на руки сумму серебром, вот тебе гражданство, вот тебе мушкет, и вот тебе мешок с порохом и пулями. И вон твой сержант, все, иди.

Уже на мексиканской (КАТОЛИЧЕСКОЙ) территории возник конфликт между низшими чинами и командованием. И после очередного воинского наказания, в котором ирландцы почувствовали дискриминацию, несколько сотен их дезертировало и перешло на сторону Мексики. Мексиканцы их приняли! Более того, сформирован был специальный батальон, получивший собственное знамя и название – Батальон Святого Патрика, по имени национального ирландского святого. И поляки, составлявшие немалую часть дивизиона, не возражали. И пили текилу.

Командующий дивизиона, ирландец, бывший майор американской армии, после разгрома был взят в плен, но его друзья из командования (его любили в армии) устроили ему побег обратно в Мексику. Таким же образом были освобождены еще несколько выживших. Остальные пошли под трибунал.

Присоединение огромных техасских территорий нарушило баланс Северных и Южных штатов. Так, во всяком случае, говорят историки. Далее события развиваются стремительно – наступил Антибеллум.

Глава пятнадцатая. Антебеллум, часть первая

Много-много воды утекло с тех пор. Из исторического далека конфликт Севера и Юга видится теперь обычным территориальным конфликтом. Любая географическая данность, разрастаясь, проявляет в конце концов стремление – одновременно к расколу и удержанию. Римская Империя раскалывалась несколько раз, один раз даже вполне мирным путем. Вторая Римская Империя раскололась на столько частей, что сегодня нет никакой возможности их сосчитать. Империи также и удерживались, всегда с помощью оружия – Австро-Венгрия, Российская Империя (множество раз), Британская Империя (множество раз).

Раскол назревал в молодых Соединенных Штатах с момента покупки луизианских территорий. Юг разительно отличался, и отличается сейчас, от Севера.

Во многих штатах Юга наличествовал романский католицизм. Этнически южане отличались от северян (об этом помнят до сих пор) большим количеством кельтских примесей. Кроме того, на Юге очень жарко, и это влияет на естественный отбор и темперамент. Были и экономические причины. Предпринимательская и политическая верхушка Юга чувствовала непрерывное давление северян. В принципе, ситуация была сходной с ситуацией в Войне За Независимость. Налоги с южан брали солидные, а представительство было никакое (в Конгрессе южане неизменно оказывались в меньшинстве, и даже при президентах-южанках их все равно дискриминировали). Конкретно – федеральное правительство обещало индустриализацию, железные дороги, и прочее. Штаты платили – и не получали взамен ничего. Своим гражданам южные штаты объясняли это так – мы бы и построили все тоже самое на свои средства, но средства эти у нас отобрали в пользу Массачусетса. Ну, знаете, там, где учатся зажавшиеся дети северян. В Гарвардах и Йейлах.

После Мексиканской Кампании конфликт начал назревать стремительно, и проблемы рабовладения сыграли свою роль. Ничем особенным американское рабовладение не отличалось от остальных, ему современных, разве что было моложе. В Германии и России рабовладение практиковалось всю историю, и никаких претензий по этому поводу свободная просвещенная Франция этим странам не предъявляла (а то еще, знаете ли, по голове получить можно ... от дикарей ... рабовладельцев ... мол чего суетесь, лягушатники, в наши национальные, блядь, дела, а ну пошли отсюда со своим Вольтером ... наполеоны хуевы ...) С той лишь разницей, что на Севере рабовладение было запрещено законом. Поскольку в свое время было признано контрпродуктивным. К тридцатым годам девятнадцатого века рабовладение прекратило существование во всех штатах Севера. Был вопрос о включении новых штатов в Союз, и, чтобы угодить всем, их принимали попарно – рабовладельческий и свободный, рабовладельческий и свободный. Для включения в Союз штаты должны были подавать петицию (почти беспрецедентный случай, кстати говоря). Кроме сопротивляющихся (такие тоже были, Калифорнийская Республика просуществовала аж три года и не очень хотела в Союз, уйдя от испанцев, и на флаге у нее был медведь нарисован).

Помимо этого северяне, не удручаемые жарой, думали быстрее и ориентировались в обстановке лучше. Посему к моменту пика конфликта ВСЕ биржевые акции, так или иначе связанные с рабовладением, были проданы северянами – южанам. История умалчивает о том, КЕМ ЕЩЕ, помимо северных американцев, они были проданы (опять же южанам), но в хлопковом производстве (к примеру) был завязан весь мир, и глупо было бы предположить, что акциями НЕ владели предприниматели из Англии ... Франции (просвещенной и свободной ... отец художника Дега, к примеру, имел дела в Новом Орлеане), ... Германии ... России ... Польши ... Италии, Испании, Ближнего Востока, и т. д.

Южане акции покупали. Живя на Юге, трудно было себе представить, что ВСЕ ЭТО скоро закончится. Рабовладение было слишком большой частью повседневной жизни – для всех.

Многие северяне имели рабов – на Юге. И летние дома. И доходы. Все было продано. Еще один штрих к конфликту – повальная продажа рабов и рабовладельческих акций привела к падению этих акций, и южане это падение почувствовали. Стал падать жизненный уровень. Иммигранты из Германии и Ирландии, раньше стремившиеся в Новый Орлеан, изменили традиции и взяли курс на Новую Англию и Нью-Йорк.

Во многих штатах Севера существовали зверские законы по поводу, опять же, чернокожего населения. К примеру, некоторые штаты (кажется, Огайо и Висконсин, и, кажется, Миннесота) запрещали не только рабовладение, но и въезд на свою территорию небелых людей. То есть, рабства у нас нет, но и неча к нам соваться, бывшие рабы, мы вас не знаем и знать не хотим.

История не знает черно-белых (в художественном смысле) ситуаций. Большинству негров на Севере было хуже, чем на Юге. На Юге свободный негр был относительно полноправным гражданином, а раб – ценностью, причем немалой. Стоили рабы дорого, посему владельцы следили за их здоровьем. На Севере негров воспринимали как генетический мусор, хотя наука генетика не была еще популярной. Негры в Нью-Йорке могли рассчитывать только на самые худшие рабочие места. К неграм в Нью-Йорке относили ВСЕХ небелых, сколько бы в них не было небелой крови. Т. е., к примеру, Пушкин и Дюма в городе этом могли в то время в лучшем случае работать в котельной. И ни в какие приличные дома их не пустили бы дворцовые.

На Юге история с неграми выглядела по-другому. СОВСЕМ по-другому. Этот факт историки тоже предпочитают обходить стороной, даже очень либеральные. Поскольку сегодняшняя мода – доказывать, что черные имеют святое право на существование в таком виде, в каком они есть (подразумевается, что они говно, но говорится, что они очень хорошие, умные, красивые, продвинутые и так далее – ну, это общеевропейско-американская мода, так говорить о якобы меньших братьях, из этой же категории – любовь к культуре Востока).

Были также и трагикомические инциденты. К примеру, существовал федеральный (!) закон, согласно которому раба, бежавшего в северный штат, нужно было ловить (этим занимались северяне) и доставлять обратно на Юг ЗА КОМПЕНСАЦИЮ. Разбирающиеся в человеческой натуре сразу видят возможности, не так ли. То есть —

Организуется пропаганда среди рабов. Бегите на Север, там все свободны и изящны. Привозится с севера негр, который с горящими глазами рассказывает про свободу и как всем хорошо. Ему, естественно, хорошо платят (пославшие его), поэтому на нем прекрасный костюм, а в кармане кошелек с солидной суммой, и вообще он откормленный и ухоженный. И даже образован неплохо. Его слушают. На ТАЙНОМ заседании в забегаловке для черных (надписи «Только Для Белых» существовали, но была и обратная сторона, хотя и без надписей) ему верят. Он же объясняет, что существуют ходы для побегов на Север. Все идет как по маслу – человек десять мужчин и женщин, иногда с детьми, решают бежать. По рассчитанным для них пересылкам, тайно, перебираются, к примеру, в Пеннсилванию. Там за ними следят под видом сочувствия и оказания на первых порах помощи, чтобы потом никто ничего не заподозрил. После чего является группа захвата. Свободных беглецов вяжут, сажают, уже официально, в поезд (если Пеннсилвания) или на пароход (если Иллиной) и отправляют в южном направлении. По прибытии доставившие получают компенсацию.

Были и попроще предприниматели. Хватали свободных негров, родившихся на Севере. И тем же путем доставляли их на Юг. Покупатели рабов, а у них был большой опыт, понимали по выговору и осанке, что этот негр – из свободных. Посему стоили такие негры, естественно, дешевле.

Были и реальные пути побега, без махинаций. Но сегодня разобрать, где правда, а где обман, трудно. И, естественно, героев (и особенно героинь) так называемой Подземной Трассы (Underground Railroad) очень трудно отличить – наивных радетелей от махинаторов. Вот, к примеру, мадам Таубер – негритянка, организовавшая побеги сотен рабов на Север – кто она? Если хотя бы предположить, что она была на зарплате у каких-нибудь белых (а то и черных) махинаторов, будет скандал. И обвинения в расизме.

Территория Юга значительная была, и сегодня любят перечислять географические и экономические данности штатов Конфедерации, играя в объективность. На самом деле страны всегда ориентируются на свои культурные центры, а то, что происходит на остальных территориях, почти не имеет значения. На Севере Филадельфия и Бостон давно перестали быть такими центрами к тому моменту, и монополия Нью-Йорка на культуру стала неоспоримой. В противовес Нью-Йорку на Юге стремительно развивался Новый Орлеан. В Новом Орлеане происходило беспрецедентное.

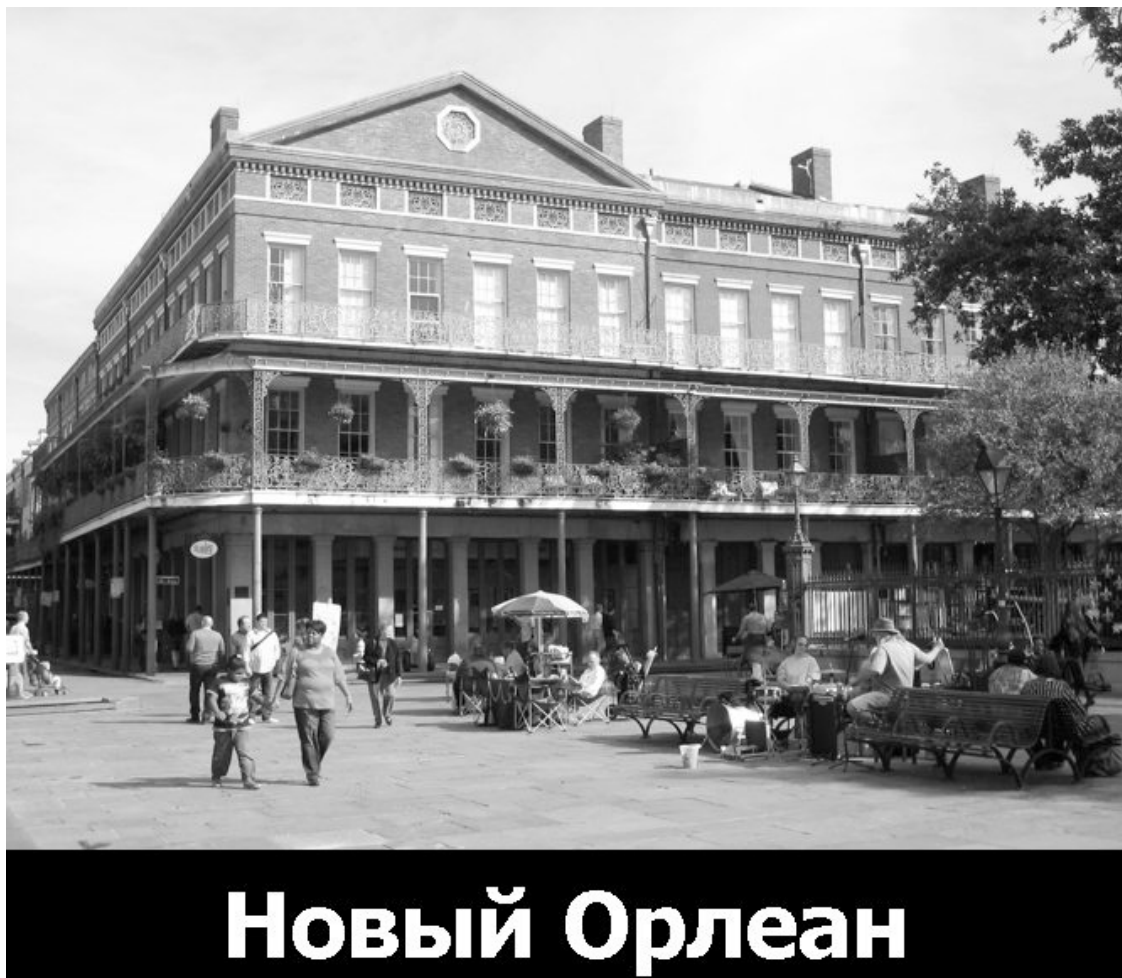
Маленький город построен был на полукружии реки, там, где Миссиссиппи загибается полумесяцем (Город Полумесяца, Crescent City), в полусотне миль вверх по течению от Мексиканского Залива. В американскую фазу своего развития он вошел в момент разгрома Андрю Джексонем интервенционных англичан. Сквер Джексона, с конной статуей в хорошей бронзе, сегодня – логический центр города. Сквер выходит на набережную. Символично позади статуи высится Собор Святого Людовика.

Собор Святого Людовика в Новом Орлеане

Все это миниатюрно, провинциально, но весьма самоутвердительно. Вокруг сквера, к северу, югу, и западу, расходится прямоугольный Французский Квартал, он же Старый Город, он же *Vieux Carré*. К северу от сквера – колоннада с арками, Французский Рынок. Здесь располагается одно из самых старых на планете кафе, где пьют кофе с цикорием и едят биньеты – местной придумки пышки. Открыто было кафе в 1859-ом году, работает с тех пор круглосуточно (перерыва не было даже в Гражданскую Войну, даже во время оккупации). Пышки вкусные, кофе своеобразный. За три дня пребывания в Новом Орлеане, во время разведывательной поездки (я писал роман об этих самых исторических событиях), я зашел в это кафе – раз десять минимум. Приобщиться к истории. Вдоль набережной идет совершенно

непонятная ветка, отдельная, трамвая. Протяженность – полторы мили. Если пешком – двадцать минут. Ну, полчаса, максимум. Непонятно, для чего она существует, и для чего была построена. Вторая трамвайная ветка идет в бывший совершенно роскошный, ныне крайне опасный, пригород. Трамваи очень старые. Третья ветка, идущая по Канал Стрит, не функционирует. Четвертая ветка, знаменитый благодаря одноименной пьесе Трамвай Желание, снята, теперь по этому маршруту ходит автобус.

Новый Орлеан

Новый Орлеан, Французский Квартал

Архитектура Старого Города уникальна, смесь позднего псевдо-барокко с классицизмом с мавританскими и средиземноморскими примесями. На всех домах наличествуют легкие «кружевные» балконы, вдоль всего фасада, с опорами на тротуарах. Улицы узкие. Здание оперного театра, в котором когда-то дебютировала непревзойденная (по слухам) Анжелина Патти, сгорело, и на этом месте сегодня пошлый отель. К востоку от сквера – огромная, спокойная Миссиссиппи. Иногда с реки поднимается клубами туман и заволакивает весь город. А летом очень жарко.

На знаменитом кафе-баре в уютном переулке, где когда-то подавали абсцент (сегодня подают заменитель, абсцент считается наркотиком) висит мемориальная доска с перечислениям людей, побывавших и попробовавших. Перечь впечатляет —

Жан Лафитт
Андрю Джексон
Маркиз де ЛаФайетт

Алексис, Великий Князь Всея Руси
Дженни Линд
Уильям Мейкпис Такерей
Генерал Борегад
Генерал Роберт И. Ли
Джефферсон Дейвис
Уолт Уитмен
Оскар Уайльд
Марк Твен
О. Генри
Буффало Билл Коди
Теодор Рузвельт
Энрико Карузо
Сара Бернар
Франклин Делано Рузвельт

Глава шестнадцатая. Антебеллум, часть вторая

В Луизиане и прилегающих штатах бурно рос хлопок, а в мире был хлопковый бум. Географическое расположение Нового Орлеана было в этом смысле очень удачным. Новые паровые корабли пересекали Атлантику за неделю. Река Миссиссиппи – глубокая и широкая, удобная. Из Атлантики пароход заходил в Мексиканский Залив, проходил дельту, шел вверх по течению, преодолевал семьдесят миль, и спокойно швартовался в доках у Нового Орлеана. Все та же Миссиссиппи обеспечивала связь с остальной страной, пересекая ее с юга на север. Из прибрежных городов шли железнодорожные ветки. К этой же эпохе относится развитие пароходства на собственно Миссиссиппи, с типичным знаменитым двухтрубным судном, и рост городов вдоль реки, в частности, Сент-Луиса (Сен-Луи). Особенности жизни населения вдоль берегов освещены в классической американской литературе, о них много писали Брет-Харт, Марк Твен и компания. (Увы – расцвет был недолгим по многим причинам, не последняя из которых – железная дорога от Атлантики до Тихого Океана, проложенная сразу после Гражданской Войны, и ответвления от нее на юг – поезда практичнее речных пароходов).

А тем временем в Новом Орлеане, с четырьмя оперными театрами, с большим количеством публики из всех стран мира, с легендами и статуей Джексона перед Собором Святого Луи, с резными балконами по фасадам, появилось нечто – явление, прецедентов которому не знала история. Но – по порядку.

С большим количеством черных рабов конкурировали несметные же толпы иммигрантов из Германии и Ирландии. Вскоре на «черных» работах рабов не стало совсем, поскольку рабы стоили дорого (от шестисот долларов до пяти тысяч за штуку), а ирландцы были согласны на пятьдесят центов в день, и гибель одного ирландца, которому на башку свалился груз в порту, ничего не значила в финансовом смысле. Поэтому постепенно рабы начали специализироваться.

Хозяева отдавали рабов в учение. Рабы приобретали навыки, становились ремесленниками. (Тоже было и в Римской Империи, и, одновременно с Луизианой, в Российской Империи – ну и в Германии, естественно, только рабы по-другому назывались, и не отличались от остального населения цветом кожи, а только лишь выражением лица).

Целый класс рабов, весьма привилегированный – домашняя обслуга. Среди рабовладельцев считалось зазорным ударить «домашнего» раба – с ним переставали общаться его друзья как с человеком в высшей степени вульгарным, фу.

И только на очень больших плантациях рабы погибали по-прежнему. Обычный рядовой плантатор имел от двух до сорока рабов и в большинстве случаев вкалывал сам, вместе с ними, на полях. Хлопок – нежная вещь и требует непрерывного ухода. Но были плантаторы ОЧЕНЬ богатые, с несколькими тысячами рабов. И на таких плантациях было несладко. Вдоль берегов Миссиссиппи хозяева грозили рабам, которые вели себя плохо – «продам тебя вниз по реке!» Означало это – в служение крупному плантатору. Ученые-естественники той эпохи с важностью объясняли, что черные лучше приспособлены для работы в поле сутками напролет под палящим солнцем, чем белые. Дольше живут в таких условиях. Это утверждение в то время вызывало не больше возражений, чем сегодняшняя концепция «усталости металлов».

Но, повторим, рабы на больших плантациях во времена Антибеллума не составляли большинство черного населения.

(Кстати говоря, вставал вопрос о том, как учитывать черное население при выборах в Конгресс, поскольку количество представителей того или иного штата зависит от количе-

ства населения этого штата. В конце концов договорились, на федеральном уровне, что раба следует считать за три пятых белого человека. Чем не антропологическое откровение).

Но, поскольку большинство рабов было занято не на плантациях, а на обычных, и даже легких, и даже приятных, работах – началось неизбежное. А именно – расовое смешение.

Когда и в каком штате вдруг оказалось, что раб уже НЕ МОЖЕТ выкупить себя из рабства сам – дело темное, сведения противоречивые (в отличие, к примеру, о точных сведений об отмене Юрьева Дня в России). С некоторых пор все рабы в Америке были негры, а волю им мог дать только их хозяин, написав и подписав соответствующий документ. Но к этому моменту в рабовладельческих штатах УЖЕ существовало значительное количество СВОБОДНЫХ негров, могущих предъявить доказательства своего статуса. Среди них были и рабовладельцы. И плантаторы (правда, не крупные). Более того, появились мулаты и квартероны. А также мулатки и квартеронки. Среди которых попадались женщины необыкновенной, неземной красоты. Со многими из них жили их белые хозяева, заводили детей, а в завещании писали – считать свободным все семейство.

Западная граница Нового Орлеана – Северный Вал, длинный прямой бульвар. Во времена Антибеллума вдоль него рядом стояли публичные дома. Но не только.

Традиция «квартероновых балов» появилась в самом начале девятнадцатого века, но в Антибеллум расцвела пышным цветом. Дело было так.

Вот в цветной семье подросла дочь. Красивая. Ее ведут в заведение, где устраивается такой бал (в единственном сохранившемся сегодня здании, в котором устраивались такие балы, сейчас отель, но планировка сохранена – я заходил, да, роскошь впечатляет, несмотря на новоорлеанскую миниатюрность строения). В это заведение НЕ допускаются негры и негритянки (а только мулатки и квартеронки). Играет музыка. Танцы. Звучат модные мелодии Ланнера и Штрауса-старшего. И, естественно, супермодная и суперновая «Застольная» из вердиевской «Травиаты», весьма подходящая тематически. Наличествует некое число богатых белых мужчин, как правило молодых и еще не женатых. На этом балу они выбирают себе девушку по своему вкусу. После чего снимается (а чаще покупается) дом на Северном Валу, в который и въезжает девушка, иногда со своей матерью. Белый холостяк с нею сожительствует, и все ведут себя так, будто это самая обыкновенная семья. Есть слуги. Есть рабы. Есть повар из рабов. Есть дворецкий. Появляются дети.

Ньюансы такие.

Первый. Дети не считаются, вроде бы, НАСТОЯЩИМИ детьми данной особи мужского пола. Несмотря на это, дети эти получают образование (какое кто), воспитание, и ремесло.

Второй. Сожительница имеет все гражданские права, кроме права голосовать (вспомним, что в этот момент белые женщины ТОЖЕ лишены этого права). Одеваются сожительницы хорошо. Живут как барыни. Постоянно пьют шампанское, едят арбузы и устриц. Лупят прислугу по морде (им можно, они женщины, существа ранимые).

Третий. Если белый муж решает вдруг жениться на белой женщине из своего круга, он имеет на это полное право. Есть два варианта развития дальнейших событий. Первый – он женится на белой, живет с ней, имеет детей, но продолжает посещать свою квартеронку – ну, например, два раза в неделю. Ревновать к квартеронке у белых женщин считается дурным тоном (хотя, конечно же, ревнуют). Муж продолжает платить за содержание хозяйства. Второй – он уходит от квартеронки. Но в этом случае он ОБЯЗАН оплатить ее содержание ДО КОНЦА ЕЕ ЖИЗНИ, обеспечить образование и воспитание детей, носящих ЕГО ФАМИЛИЮ, и приходить на помощь, если бывшая сожительница будет в таковой нуждаться. А дом на Северном Валу после ухода белого псевдо-мужа считается СОБСТВЕННОСТЬЮ квартеронки. (Квартеронки, не обремененные в такой ситуации детьми, превращали резиденцию в публичный дом, всего и делов).

История идет своим чередом. Вот уже дети квартиронок получили образование (многие – во Франции). Вот они уже становятся не просто ремесленниками, но и людьми умственного труда, а также предпринимателями (и, естественно, рабовладельцами). Их количество растет. Свободных цветных (ом де колер либр) было в Новом Орлеане около тридцати тысяч к концу Антибеллума, значительная цифра. У них появляются свои театры. Свои заведения. Свои ШКОЛЫ (куда белые не ходят, а негры НЕ ДОПУСКАЮТСЯ). Они презирают негров (и постепенно начинают презирать белых). Они почти на равных с белыми. Они постепенно, квартал за кварталом, выживают белых и выгоняют негров с некоторых улиц. У них свое общество, особое. Они УЖЕ хотят – особый себе статус, отличный и от белых, и от черных. Они на равных заключают деловые сделки с белыми. Они путешествуют по миру. Они прекрасно одеты, энергичны, целеустремленны, иногда хорошо образованы. Не хватает одного – идеи. И идея появляется. Об этом сегодня очень трудно найти какие-либо сведения, но идея безусловно имела место.

Дарвин опубликовал свое «Происхождение Видов» только к концу эпохи Антибеллума. Мулаты и квартироны Нового Орлеана его явно предвосхитили, начав считать себя – СЛЕДУЮЩЕЙ СТУПЕНЬЮ эволюции. Идея избранности, ежели раз попала кому-то в голову, обратно уже не выйдет. Черная раса ни на что не способна, белая раса свое дело сделала и вырождается, мы – следующие!

Глава семнадцатая. Антебеллум, часть третья

У всех людей есть такая склонность – переиначивать концепцию с выгодой для себя лично. Так была переиначена библейская концепция избранности еврейского народа, и само слово избранность в связи с этим поменяло смысл. Изначальный смысл слова – назначение, должность, договор (посему везде в Старом Завете, где идет речь об избранности, присутствует слово контракт). Но многие, даже тогдашние, евреи решили, что это недостаточно лестно, и заключили, что избранность есть этническое (интеллектуальное и духовное) ИЗНАЧАЛЬНОЕ (по праву рождения) превосходство над всеми остальными этносами. С тех пор эта искаженная идея постоянно носится в воздухе, и почти каждый достаточно большой, или достаточно энергичный, народ или этнос считает себя особым и избранным. Патриотизм путается с национализмом, и так далее. Что из этого получается – достаточно хорошо освещено историками и отчетливо видно на сегодняшних примерах.

Но – идея была. Квартероновый расо-этнос в Новом Орлеане и окрестностях рос и креп. И стал налаживать международные связи. И поскольку особого статуса официально ему не давали, кварталеры решили его себе СОЗДАТЬ. Сами. С помощью общественного мнения.

Именно с этой целью во Францию (например) была послана специальная делегация из Луизианы. Решили обратиться к знаменитому французскому кварталеру, расовый состав крови которого в точности совпадал с их собственным, а именно – к писателю Александру Дюма-отцу. Нехай автор мушкетерской серии, самый известный литератор в мире, прибудет к нам с лекциями, поедет по стране, и все поймут, что мы – самые что ни на есть крутые в интеллектуальном смысле. Дюма внимательно выслушал делегацию, почесал репу, украшенную вьющимися мелко жесткими негритянскими волосами, предложил делегатам вина, накормил их хорошим обедом собственного изготовления, и выразился в том смысле, что побаивается американских властей. Это в Париже он – знаменитость, ему везде почет, и так далее. А ну-ка в Америке его вдруг схватят и продадут плантатору! Непорядок. Не поеду. Делегация уехала в расстройстве чувств (наверняка при этом обозвав литератора ебаным трусливым ниггером, но история об этом умалчивает).

Александр Дюма-отец

Александр Дюма-отец, литератор

В это же время во всех южных штатах бурно рассуждали об отделении от Севера. Ом де колер были, естественно, за. Также рассуждали об освободительном движении. Чтобы никакого рабства. Ом де колер были, в большинстве, против. Также были люди лояльные, идущие в ногу с политикой федерального правительства, мечтающие об общем равенстве. Ом де колер были КАТЕГОРИЧЕСКИ против. Это легко объяснить.

Дело в том, что действительную цену якобы-равенства с белыми они очень хорошо себе представляли. Белые рассуждали, как белые всегда рассуждают – либо ты белый, либо, если у тебя был черный прадедушка, ты цветной. И никаких тебе полукровок, мулатов-квартиронов, отдельной расы, и так далее. Типа, негритянская кровь в ЛЮБОМ количестве – признак низшей расы. И все. При наступлении всеобщего якобы-равенства, ом де колер АВТОМАТИЧЕСКИ уравнивались в правах с неграми – то есть становились низшей расой, теряя свой особый статус. Такая перспектива их, естественно, совершенно не радовала. Чтобы понять, что именно так оно все и будет, ежели всеобщее равенство, им не нужно было даже выезжать из Нового Орлеана – достаточно послушать белых приезжих, которые были в шоке каждый раз, как видели на улице белого и мулата, обменивающихся рукопожатием.

А приезжих было много. К югу от центра рос новый район – Американский Квартал. Там жили всякие люди, но костяк составляли нувориши, предприниматели, приехавшие с Севера разжиться на хлопке. Их влияние в городе росло. Постепенно они начали скупать великолепные особняки к северу от города, дворцы традиционных плантаторов, вдоль реки. (Видел я эти особняки – своеобразно весьма, и действительно очень красиво – и река,

и зелень вокруг, и типично луизианская архитектура). Постепенно нувориши с Севера стали конфликтовать с ом де колер – самой деятельной прослойкой города. Конфликтовать экономически, поскольку прослойка в эпоху Антибеллума имела *ОГРОМНОЕ* влияние на городские власти.

Отдельно стоит отметить закон о публичных домах. Он вышел в середине пятидесятих, в пик Антибеллума. Закон запрещал белым посещать публичные дома, в которых находились девушки ом де колер. А для негров и закона не нужно было – их просто гнали в шею, и все тут. Этот закон *БЕЗУСЛОВНО* был проведен с подачи этих же самых ом де колер. Во-первых, в публичных домах были салоны, на которых обсуждались разные ом де колер дела, и белым гадам вовсе не нужно знать, о чем говорят ом де колер. Не их собачье дело. Кроме того, пользующийся услугами ом де колер проститутки белый *УНИЖАЕТ* таким образом всех ом де колер. Посему – идите-ка вы, белые, своей вырожденческой дорогой. А мы пойдем своей.

(Тупой техасский вопрос русским читателям – у кого-нибудь есть сомнения, к какой именно группе людей причисляли ом де колер некоего Александра Пушкина, потомственного аристократа?)

Александр Пушкин, литератор

В общем, если бы так все шло и дальше, быть бы Новому Орлеану автономией, если не отдельной республикой – не зависящей ни от Севера, ни от остального Юга. А что? Хлопок есть. Со всем миром торгуем. Миссиссиппи есть. Атлантика есть. Есть свои школы. И давно уже есть свои церкви. Энергии – хоть отбавляй. Власть постепенно прибирается к рукам. А конституцию напишем свою.

И все-таки движение было слишком малочисленным для полного счастья. Несмотря на то, что отголоски его слышны в Луизиане до сих пор.

Уже после Гражданской Войны, после почти, в общей сложности, миллиона убитых, после того, как все, устав от бойни, сложили оружие и вздохнули, и занялись обычными мирными делами, оккупационные войска федерального правительства стояли в окрестностях Нового Орлеана *ЕЩЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ*. В Новом Орлеане непрерывно вспыхивали восстания. Ом де колер воевали за свой утерянный статус. Пока не сошло на нет, не растеряло молодость и энергию, особое, деятельное поколение Антибеллум.

Сегодня в среднестатистическом американском негре тридцать процентов белой крови. То есть, любой негр смело мог бы считать белую культуру своей. И числить в своих предках Шекспира, или Корнеля – кому что нравится. Но каждому этносу и каждой группе, по какому бы признаку она, группа, не формировалась, с детства вбивают в головы то, что выгодно властимущим. А властимущим всегда выгодно именно статус-кво. Власть любит стабильность и не любит новшеств. Посему большинство негров с раннего детства рассуждают о «своей» культуре, «своих» путях, «особенностях» и так далее. Вуду, племенные всякие древние полумифические дела, и так далее. Знакомо? Безусловно. Знакомо всем. Во всех странах, на всех континентах. Всем по-своему, но знакомо.

Глава восемнадцатая. Независимость Юга

Последующие несколько глав неизбежно будут кишеть неточностями, ибо дело, как в случае любой большой войны, очень путанное.

Президент Бьюкенан, выбранный совершенно случайно (он сам не ожидал, партии грызлись и запозднились с выбором более популярных кандидатов) был южанин, и отделяться при таком президенте было бы не то, чтобы глупо, но как-то неудобно. Бьюкенан был мягок характером, очень хорошо образован, романтичен. Потеряв в ранней молодости любимую женщину, он решил не жениться во второй раз. Обязанности Первой Леди в Белом Доме выполняла его племянница. Бьюкенан намеревался посвятить весь свой срок на посту – просвещению, строительству библиотек, церквей, госпиталей, и так далее. Самым важным делом казалась ему прокладка кабеля по дну Атлантики для телеграфной связи с Европой. Кабель проложили. Бьюкенан успел обменяться сообщениями с королевой Викторией. Через три часа связь отказала по до сих пор невыясненным причинам. (Сама по себе прокладка кабеля – отдельная, очень забавная история. Кабель везли на нескольких судах, разматывая катушку, из Ливерпуля. Два раза роняли в океан, и приходилось возвращаться). Здание обсерватории в штате Массачусетс, где действовала американская телеграфная сторона, на радостях случайно сожгли, остался обгорелый купол. И так далее.

В Конгрессе интриговали непрерывно, все больше и больше консолидируясь – южане против северян, северяне против южан. Бьюкенан прилагал все усилия, чтобы не допустить конфликта – возможно, ждал, когда кончится его срок, чтобы не быть ни за что в ответе. Действительно, на второй срок он свою кандидатуру не выдвигал.

Состоялись выборы следующего президента, и неожиданно для всех им стал безвестный конгрессмен, безродный самоучка, провинциальный адвокат не первой молодости – северянин.

Об этом человеке написано столько, что, конечно, он давно стал идиолом – одновременно негативным и позитивным. Жаль, поскольку человек он был весьма интересный.

Абрахам Линкольн любил дважды в своей жизни, второй раз удачно. Женат он был на маленькой, худой женщине по имени Мери, ревливой, страстной, и ужасно милой на его, Линкольна, взгляд. Как и он, она была уроженкой штата Иллиной. Победивший на выборах, Линкольн вернулся в родной Спрингфилд, и, спрыгнув на платформу, бегом кинулся к дому, крича (историки записали) – «Мери! Мери! *НАС* избрали!»

У него было особое чувство юмора, изощренное – шутки его мало кто понимал. У него были две любимых книги – Библия и полное собрание сочинений Шекспира. Не самый худший выбор. Он часто цитировал и то, и другое. Он не любил одежду и при первой же возможности снимал с себя все, что позволительно было снять. Он был остроумный, темпераментный, прозорливый.

Известен случай, когда, будучи уже «освободителем», он прогуливался по улице с другом, а навстречу им шел негр. Негр снял шляпу и поклонился Линкольну. Линкольн снял шляпу и поклонился негру. Через несколько шагов возмущенный друг сказал «Как не стыдно – снимать шляпу перед негром!» – на что Линкольн ответил, «Я никогда и никому не позволю быть в моем присутствии более джентльменом, чем я сам».

Мэри Тодд Линкольн, жена Президента

Все это было хорошо и романтично, а только избранный президент – еще не действительный президент, и до инаугурации оставалось два месяца.

Вдохновленные избранием северянина, южные штаты стали один за другим подписывать декларации независимости. Отделилась Вирджиния, обе Каролины, Джорджия, Алабама, Флорида, Миссиссиппи, Луизиана, Теннесси. Отделился Техас. Написана была конституция новой страны – Конфедерации Штатов Америки, более или менее копия с конституции Мэдисона, но с узаконенным рабством. Подписана была общая для Конфедерации декларация Независимости. Избраны были президент и вице-президент. И, наконец, в городке под названием Саванна, что в Джорджии, в мэрии произнесена была речь этого самого вице-президента, вошедшая в историю, как «Краеугольный Спич». Стивенс, человек маленького роста, речистый, с индейской кровью (частичную принадлежность к индейцам он отрицал) сказал в битком набитой аудитории, следующее (кроме всего прочего) —

«Мы живем во времена величайшей в истории революции. Семь суверенных штатов сбросили за последние три месяца ярмо старого правления и создали новое правительство. Эта наша революция – единственная в истории, в своем роде, в виду того, что она свершилась без кровопролития. Ни одна капля крови не была пролита».

Далее Стивенс упомянул сходство Войны за Независимость с сегодняшним положением дел. Он указал на то, что Федеральное Правительство вело себя по отношению к Югу так, как в свое время Британская Империя вела себя по отношению к Колониям. Налоги с Юга брали – но использовали полученные средства исключительно на благо Севера. Ну, к примеру, если вы берете (говорил Стивенс) деньги у Северной Каролины на постройку железных дорог, логично было бы дороги эти строить именно в Северной Каролине, а не в Огайо. Кроме того, нас давили тарифами, и поэтому европейские торговые суда предпочитали швартоваться в Бостоне и Нью-Йорке, а не в Новом Орлеане.

«Новая Конституция» – стебался Стивенс, «закрыла все нездоровые вопросы по поводу нашего традиционного института – африканского рабства в том виде, в котором оно существует. Северяне и некоторые южане провозглашали идеи, которые были фундаментально неверными. Идеи эти основывались на положении о равенстве всех рас. Это ошибка. Наше новое правительство основывается на противоположной идее – краеугольный камень есть правда о том, что негр не равен белому; что рабство, субординация, подчинение лучшей расе, есть естественное, нормальное условие существования. Понятно, что понимание этого заняло у человечества много времени, как понимание вообще любой большой научной правды. Так же было с принципами, провозглашенными Галилеем. Так же было с политико-экономическими принципами Адама Смита. Также было с Гарвеем и его теорией о кровообращении. Все вышепоименованное признается теперь всем миром, как факт. Множество правительств основаны были на принципах субординации и крепостничества некоторых классов, принадлежащих к той же расе, что и правящий класс, и это было нарушением естества человеческого. У нас все белые люди, вне зависимости от социального положения, богатые и бедные, равны в глазах закона. Не то в случае негра. Природно ли, или под проклятием Канаана, он естественно вписывается в жизненные условия, предоставленные ему нашей системой».

«Тысячи людей понимают, что правда эта не раскрыта пока что до конца. Сегодня мы много слышим о цивилизации и христианизации варварских племен в Африке. По моему суждению, успеха эти попытки не достигнут без того, чтобы не научить африканцев сперва тому, чему научили Адама – «в поте лица своего добывать будешь свой хлеб, и не научить их работать, кормить и одевать, самих себя».

Вопреки сегодняшним мнениям, основанным на невежестве (Краеугольный спич можно прочесть в переводе на любой язык, он легко ищется в библиотеке и в инете), часть спича, посвященная собственно вопросу негритянского рабства, была короткая.

Далее, Стивенс говорил:

«У нас есть все, чтобы стать одной из основных наций планеты. На Севере, и даже на близлежащих к Северу территориях, бытует мнение, что нас мало и мы слишком слабы, чтобы стать отдельной нацией. Это большая ошибка. В случае территории, ее у нас пятьсот шестьдесят пять тысяч квадратных миль, и больше. Это чуть ли не половина изначальной территории независимых тринадцати штатов. Территория наша превышает территории Франции, Испании, Португалии, и Великобритании (включая Англию, Ирландию и Шотландию) вместе взятые. По населению – у нас больше, чем пять миллионов народу, судя по переписи, включая белых и черных. Население Первых Тринадцати было меньше, чем четыре миллиона в то время, когда мы достигли независимости от Британии. И если основатели, с меньшим населением, чем мы, могли противостоять величайшей в истории Империи, почему бы и нам не поступить так же?».

И так далее.

Столицей новой страны объявлен был Ричмонд в Вирджинии.

И сразу возникла проблема фортов.

Все укрепленные форты на море, и часть фортов на суше, принадлежали Федеральному Правительству. Их нужно было отобрать. Желательно без кровопролития. В начале это казалось простым делом.

Три четверти боевых офицеров Федеральной армии, выпускников Вест Пойнта, были южане. Почти все они подали в отставку. Казалось бы – объяви, что форты наши, и они сразу станут нашими.

Возникла тяжелая пауза.

Форт Самтер, в бухте города Чарльзтон (где впоследствии изобрели одноименный танец), Северная Каролина, нуждался в пополнении продовольственных запасов. Все-еще-президент Бьюкенан послал три корабля – пополнить. Федеральное правительство уведомило об этом форт телеграммой, но телеграмму приняли в Чарльзтоне, уже принадлежавшем Конфедерации, и посмеялись. Тем не менее корабли прибыли.

Неподалеку от Чарльзтона располагается Цитадель – второе по значению, после Вест Пойнта, элитарное военное училище страны. Чарльзтон кишел военными. На берег выкатили пушки и сделали несколько холостых выстрелов. Корабли не пришвартовались – ушли. Пушки не убрали. Вместо этого к полукругу бухты начали прибывать дивизионы.

Форт Самтер сегодня

Майор Андерсон, начальник форта, послал в Белый Дом депешу такого содержания — «Запасов хватит на месяц. Если не будет пополнения, через месяц я сдам форт южанам».

В Белом Доме схватились за головы. Тут Бьюкенан со вздохом облегчения передал ключи Линкольну и ушел. И Линкольн – не поступил *НИКАК*.

Сегодня неизвестно, что, кому, и когда не понравилось. Но за неделю до определенного майором Андерсоном срока был сделан выстрел. Из форта ли по берегу, с берега ли по форту – никто не знает. Выстрел послужил сигналом. Форт молчал, а с берега по нему непрерывно палили из пушек в течении тридцати шести часов. И остановились только, когда узнали, что гарнизон вышел на плац в последний раз – отдать честь флагу. Стреляли в воздух, но после салюта оказалось, что четверо солдат ранены, а один убит. То есть, не обошлось без заговора.

Линкольн очень хорошо понимал, что нужно срочно действовать. Но не действовал.

Меж тем президент Конфедерации (ветеран Мексиканской Кампании) Джефферсон Дейвис назначил генерала Роберта Ли главнокомандующим войск Юга.

У Конфедерации возникли проблемы с вооружением. Сталелитейная промышленность была на Юге в зачаточном состоянии, как и вообще Индустрия. Попросили помощи у англичан, предложили деньги. Англичане отказали – не принимая Конфедерацию всерьез и желая сохранить хорошие отношения с Севером. Тогда южане прекратили экспорт хлопка, и в Англии тут же остановились заводы. Голодные безработные высыпали на улицы. Англия незамедлительно выслала в Новый Орлеан и в Чарльзтон целую кучу ружей и патронов к ним.

Конфликт перезрел, нервозность чувствовалась во всем, и первый бой неизбежно должен был состояться. И он состоялся. Цель Федерального Правительства была – заставить отделившихся вернуться в Союз. Цель Конфедерации была – обороняться, пока Северу не надоест. Первое сражение произошло около городка Булл Ран.

Глава девятнадцатая. Булл Ран

Битва при Булл Ране не была, собственно, даже битвой, и, если мыслить логически, никому не была нужна. Но обеим сторонам так или иначе хотелось посмотреть – а что будет, если война действительно начнется?

Сборы северян проходили у Потомака. Было лето, и было жарко. Батальоны добровольцев прибывали с севера – из Огайо, Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка, по железной дороге с пересадкой в Балтиморе. При этом северная и южная ветки в Балтиморе не пересекались, и нужно было вылезать и топать к противоположному вокзалу через весь город. Собрались и вышли на марш в сторону Булл Рана. Разведка северян не работала тогда никак. Газетчики обменивались информацией, вот и все разведданные.

Час прибытия воинов под Булл Ран был известен всей стране. К полю будущего сражения стали подтягиваться любопытные. Некоторые приходили со складными стульями. Были дамы с зонтиками от солнца. Мужчины во фраках. Устраивались пикники. Северяне шли медленно, поминутно отлучаясь с дороги в лес в целях добычи ягод, устраивая частые привалы, а командиров, призывающих собраться воедино и маршировать без устали, презрительно общучивали. Шагали долго, и на место сражения пришли в расхлюстаном виде.

Со своей стороны южане применили (первый раз в истории) доставку солдат прямо на поле боя по железной дороге. Армия южан была дисциплинированна, хорошо обучена, и свежа – два часа поездом это не неделю пешком.

Южане быстро оценили обстановку, быстро выкатили пушки, быстро построились, быстро ввели в дело кавалерию. Северяне рассматривали поле и свои мушкеты, не дав себе времени приготовиться, спохватиться, понять, что происходит. Южане дали залп и атаковали северян в лоб. Засвистели пули, загрохали взрывы, зрители побежали в рассыпную, забыв складные стулья. Вскоре в рассыпную побежали также северяне. Поле осталось за южанами. И они не стали преследовать противника. Собственно, и преследовать-то было некого. Противник называется. Срамота.

Северные газеты сперва осторожно, а потом громко, стали писать о разгроме. Подключилось либеральное крыло и начало уверять что —

Южане имеют право на самоопределение

Насильно мил не будешь, а Линкольн сволочь

Пусть катятся

До какой же низости может опуститься наше правительство, чтобы из-за каких-то тарифов и хлопка стрелять в родных братьев, чтоб этому правительству пусто было!

Южные газеты бестолково славили победителей и уверяли, что северяне больше не сунутся.

Но дело было сделано – армии начали формироваться. В дополнение к добровольной армии Линкольн объявил призыв. И Джефферсон Дейвис тоже объявил призыв.

Подсчитано, что к концу войны в боевых действиях поучаствовало около тридцати процентов северян мужского пола. И около девяноста (!) процентов южан мужского пола.

Начались бои.

Глава двадцатая. О событиях и новшествах

Первые полтора года Гражданской Войны (известной на Юге как Война за Независимость Юга) удача сопутствовала южанам повсюду. Генерал Ли громил противников непрерывно. Войска по-прежнему перебрасывались с места на место по железным дорогам (эту тактику в конце концов переняли и северяне). И однажды, после очередного сражения, совершенно неожиданно для всех, армия генерала-южанина вторглась на территорию противника, в штат Мериленд, частично даже в Пеннсилванию, и путь на Вашингтон был открыт. Ли был готов взять столицу врага. В столице случилась, как водится, паника, поскольку столица, как в очередной раз оказалось, никем не защищается. Ли перекидывался телеграммами с Ричмондом, Джефферсон Дейвис отписывал ему, что, мол, все замечательно, но вторжение в Вашингтон – преждевременно. Сказывалась изначально выбранная стратегия – южане желали только обороняться. Пока шел обмен мнениями, северяне успели подтянуть к Вашингтону много войска, и Ли, которому разведка докладывала о положении, понял, что момент упущен.

Он не забывал читать газеты, в которых подробно освещались события и делались предположения. Ему принадлежит раздраженная историческая фраза – «Почему-то о своих планах я узнаю из газет».

В то же время американский журнализм резко изменил формат – в связи, опять же, с событиями. Журналисты, передававшие свои заметки со всех концов, пользовались телеграфом, который мог в любой момент испортиться (или кто-то в благородном тактическом порыве мог перерезать провод), поэтому все основные события и мысли давались сперва общо, одним параграфом (чтобы главное дошло), а подробности и рассуждения слались во вторую очередь.

По ходу военных действий и северяне, и южане переоснастили армии. Мушкеты заменены были винтовками, и военачальникам пришлось на ходу переучиваться – пули летели точнее и дальше, и это влияло на действия. Нельзя было подходить к противнику слишком близко.

Кавалерия использовала револьверы.

Генерал Хукер водил за своим войском публичный дом в полном составе. С его легкой руки слово «хукер», означающее проститутку, прочно вошло в английский язык (включая британский его вариант).

В одном из сражений, когда северяне очень наседали, генерал Ли, дабы воодушевить своих, показал рукой на восседавшего на коне Джексона, и крикнул – «Посмотрите, как он держится – как каменная стена!» Выражение «Stonewall Jackson» также вошло во все версии английского языка.

Один из северных военачальников перед боем приблизился верхом, в сопровождении адъютанта, к рядам противников. Адъютант сказал – не надо бы так близко подъезжать. Военачальник презрительно ответил, что на таком расстоянии эти дураки даже в слона не попадут. Эти слова были последними в его жизни – пуля вошла ему между глаз.

Южане по-прежнему страдали от недостатка вооружения. Винтовки они подбирали прямо на полях сражений – как трофеи.

Выстрел же из мушкета в то время делался так.

Солдат останавливался и ставил мушкет вертикально. Руку запускал в патронташ, извлекал оттуда патрон (не в современном смысле, но – порох и пуля, завернутые фирменно в бумагу). Разрывал бумагу зубами. Ссыпал в ствол порох. Сверху всобачивал пулю. Забивал ее в ствол шомполом. Пристегивал шомпол. Поднимал мушкет, целился, и стрелял.

Меж тем война шла также и на море, причем по всему миру. Северяне и южане пытались перекрывать друг другу торговые пути. Было несколько морских сражений аж у берегов Европы.

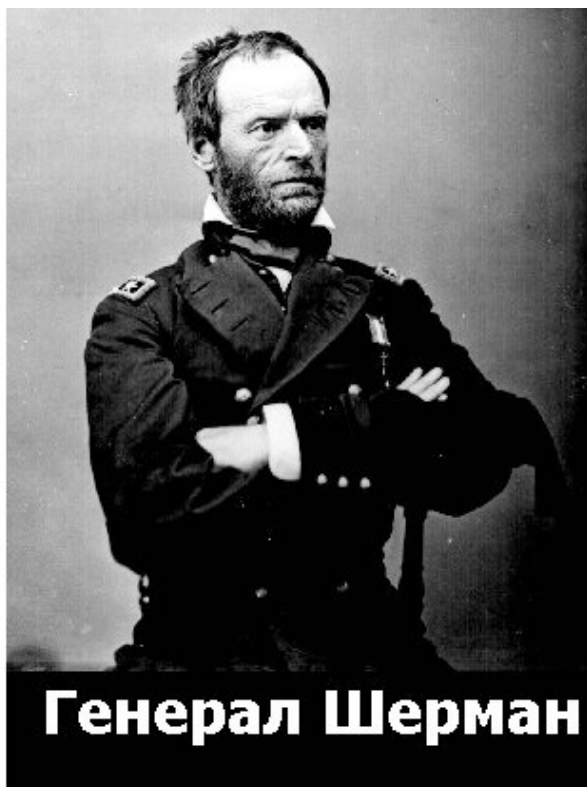
В этой войне впервые стали использовать бронированные суда. Испытаны были первые подводные лодки.

Женщины принимали активное участие в действиях – как медсестры и шпионки.

Со стороны Юга рабы принимали активное участие в действиях – на стороне хозяев.

Захватывая поселки южан, северяне относились к найденным в них неграм гораздо хуже, чем южане.

Линкольну ужасно хотелось сказать что-нибудь об эмансипации рабов, но он молчал – для таких речей нужна была как минимум одна внушительная победа северян, а ее не было. Линкольн разжаловал МакКлелана и назначил главнокомандующим Гранта. Грант благоволил генералу Шерману. Расчет на Шермана оправдался – Шерман впервые в новой истории применил тактику выжженной земли. Его армия не оставляла ничего там, где она проходила, и одно имя Шерман вселяло в южан дичайший ужас. И Шерман сделал то, чего очень хотелось Линкольну – добился внушительной победы. Он взял Атланту (штат Джорджия) и сжег ее к свиньям.

Генерал Шерман

Общественное мнение северян, направляемое газетами и слухами, изменилось (до Атланты дело шло к тому, что Линкольна выставили бы из Белого Дома, а с южанами подписали бы мир). Президент воспользовался этим и объявил, что, помимо всего прочего, война ведется за освобождение рабов.

В этой же связи Линкольн в частном порядке высказал пожелание – мол, воюем за освобождение от рабства, а негров в нашей армии совсем нет. Нужно бы, чтоб были, хотя бы для представительства.

Как всегда в случае таких пожеланий, генералы стали отдавать приказы, которые выполняли сержанты, поэтому неудивительно, что «получилось как всегда». Негров рекрутировали в армию Севера угрозами и пинками, отрывали отцов и сыновей от семей, били, и так далее.

Хорошо ли Линкольн относился к черным, вообще? Не очень. Насколько важным казался ему вопрос о запрете на рабовладение? Летописцы отмечают следующее его высказывание —

Сохранение Союза (т. е. всех штатов под эгидой Федерального Правительства) является главной целью войны. Можно разрешить рабство некоторым штатам, или всем штатам, или запретить во всех штатах — я в любом случае выбрал бы тот путь, который вернее всех других ведет к сохранению Союза. «Союз должен быть, и будет, сохранен».

Другой источник сообщает, что жена кого-то из администрации спросила у Линкольна — «Почему бы их просто не отпустить?» — имея в виду южные штаты. «Отпустить?» — спросил Линкольн. «А на что мы жить будем?» Источник, как большинство «достоверных источников» — очень серьезный, посему достоверность слегка под сомнением. Мне кажется, что это была шутка — вполне в стиле Линкольна. Но и правда в этой шутке, безусловно, наличествовала. «Король Хлопок» главенствовал в мире, как сейчас главенствует нефть.

Еще одна шутка Линкольна (уже упомянутая ранее) прошла мимо цели — многие приняли ее за красивый дипломатический ход (и еще многие — за серьезное высказывание). Авторша романа «Хижина Дяди Тома», пошловатого, соцреалистического навыворот, и написанного плохо (тем не менее, роман разошелся по всему миру огромными тиражами) побывала на приеме в Белом Доме. Линкольн вышел из кабинета в гостиную, чтобы поприветствовать гостью, и сказал, — «Ага, так вы и есть та самая маленькая женщина, из-за которой у нас нынче ведется такая большая война». Лесть — великое дело, и авторша не поняла бы шутки, даже если бы обладала чувством юмора.

Меж тем обе стороны искали союза с другими странами. Южане *ИЗНАЧАЛЬНО* рассчитывали на военную поддержку со стороны Франции. Никакой поддержки, разумеется, не было. Северяне обращались ко всем подряд и ухватились за возможность посоюзничать с Россией.

Собственно, Россия, как раз во время оно занимавшаяся освобождением рабов (их называли в России — крепостные), серьезно участвовать в *ГРАЖДАНСКОЙ* войне за океаном не собиралась, а готовилась к возможной *МЕЖДУНАРОДНОЙ* войне с Англией. Но царь симпатизировал северянам и боялся зимы — новые военные корабли Империи могли пострадать от морозов. И, по соглашению, немалая часть российского флота переправлена была в Нью-Йорк и своим присутствием в дельте Гудзона пугала южан (не без успеха).

Николай Римский-Корсаков, композитор

Этот эпизод подробно описан в мемуарах Римского-Корсакова, служившего тогда во флоте. Будущий композитор, по профессии моряк, был человеком очень дотошным и расписал все тщательно. Мол, приехали мы, сошли на берег, пожили в Нью-Йорке, сходили в оперу (давали в тот вечер «Риголетто», но, к сожалению, именно по этому поводу подробностей в мемуарах нет – какие певцы? как оркестр?). Главный оперный театр Нью-Йорка находился в то время на Ирвинг Плейс, по соседству с Гринвич Вилледжем. Затем Корсаков с друзьями ездил по Гудзону и трехсотмильному Ири Каналу к Ниагаре. Ниагара очень впечатляет. Граница старых и новых геологических образований начинается в пятидесяти милях к северу от Нью-Йорка и диагонально пересекает континент, и на пограничье есть много интересного – в частности Великие Озера.

Особняком в Гражданской Войне стоит взятие Нового Орлеана.

Глава двадцать первая. Новый Орлеан

Война – явление трагикомическое, то есть, одновременно страшное, смешное, и глупое.

Безусловно, жемчужиной Юга был именно Новый Орлеан – стремительно растущий культурный центр (экономический – тоже). Судя по действиям войск Союза и ответным действиям войск Конфедерации, этого никто в Америке не понимал. Фронт расширился, растянулся до Каменистых Гор, северяне делили его на два театра – к востоку и к западу от Миссиссиппи, две армии – одна северян, другая южан – ждали, когда же противник войдет наконец в нейтральный Канзас, чтобы можно было начать там освободительную войну, южане одерживали одну победу за другой на своей территории, и эти победы ровно ничего не значили (разве что с психологической точки зрения) – а Новый Орлеан защищался горсткой нестроевых ополченцев и при этом его очень долго не собирались захватывать северяне. Историки находят тому тысячи причин и забывают упомянуть главную – глупость человеческую, всегда доминирующую во всех войнах.

Флот адмирала Фаррагата, состоящий из нескольких кораблей, один бронированный, обошел Флориду, втиснулся в Мексиканский Залив, и направился к дельте Миссиссиппи. Там справа и слева ждали его два форта. Фаррагат поставил суда боком к фортам и открыл огонь, и за несколько часов разнес форты в тлеющую пыль. После чего флот вошел в реку и поплыл себе дальше, вверх по течению, к Новому Орлеану. Река Миссиссиппи – очень широкая, и очень глубокая, и флот приняла запросто.

На пути встречались еще форты, поменьше, с очень малыми гарнизонами, и по ним моряки постреливали нехотя. На подходах к Новому Орлеану ополченцы гнали к кораблям Фаррагата горящие плоты. Плоты тушили. Несмотря на то, что на каждом корабле был человек, знающий топографию дна в этих местах, один фрегат все-таки сел на мель. Но потом снялся.

Корабли прибыли в новоорлеанский порт и бросили якоря. Никто им не сопротивлялся. На главной площади (Сквер Джексона, с конной статуей) стояла в полном составе городская администрация. Фаррагат потребовал у мэра символические ключи от города, протянул ему бумагу – подписать капитуляцию. Выглядело это вполне комично, но мэру было не до смеха, и он сказал, что он против. Тогда Фаррагат объяснил, что поставит пушки у начала каждой улицы (в старом квартале, он же Французский, улицы, идущие от берега вглубь, идеально прямые) и будет стрелять вдоль очень долго. Мэр подписал бумагу.

И дело бы на этом закончилось – снова бы открылись четыре оперных театра, заработали бы кафе, жизнь вошла бы в привычную колею – вот только мулаты из зажиточных чувствовали бы себя неуютно, но тут объявился в городе генерал Батлер.

Генерал Батлер

Генерал Батлер

Про Батлера написано много, и большинство написанного – весьма и весьма нелестно. Пишут, что был он скандалист, дурак, хам, и очень плохой полководец. Действительно, ни одно сражение он не выиграл за всю свою карьеру. Один раз, во время Гражданской Войны (до Нового Орлеана, ему предоставили поле сражения, где его, Батлера, войска превосходили численностью войска противника чуть ли не в три раза. Он управился оказаться в проигрыше. Но Линкольн его терпел до самого последнего момента (об этом позже), поскольку Линкольн очень неплохо разбирался в людях.

Батлер не был ни дураком, ни хамом. Он был – человек, которого никто не слушает. Он говорил и делал вполне разумные вещи (и это понимал Линкольн), но его приказам никто не подчинялся, а его действия не принимались всерьез (никем, кроме, опять же, Линкольна).

Батлер вошел в Новый Орлеан, уже взятый Фаррагатом, с небольшой армией, в момент заминки.

Заминка была такая. Профессиональный картежник, двадцати двух лет от роду, по имени Уильям Мамфорд, совершил патриотическую диверсию – залез на крышу монетного двора и содрал с флагштока звездно-полосатый флаг победителей. Уильяма схватили и, в назидание, повесили публично. По поводу того, кто именно отдал приказ его вешать – Фаррагат, кто-то из его лейтенантов, или сам Батлер – неизвестно. Обвиняют Батлера.

Но заминка разрешилась, и Батлер, с мрачного согласия Фаррагата, засел в мэрии и стал издавать указы.

Почему Фаррагат отдал Батлеру город? Кто ж его разберет. Есть пикантная деталь – Фаррагат был уроженец Юга. Когда Юг провозгласил независимость, Фаррагат не подал в отставку, не нарушил присягу, а стал служить – Северу. Что на него повлияло – судить трудно. Голос ли чести, жена ли, любовница ли, друзья – кто знает. В морских боях он проявлял рвение. Декларировал, где мог, что дело Севера – правое. Возможно, он чувствовал, что лучше Батлер, чем он – и в данном случае в нем говорил не голос родины, но отношение к нему, «предателю», жителей Нового Орлеана.

Так или иначе, но именно на него одна новоорлеанская леди вылила с резного-кружевного блакона ночной горшок. Намеренно.

Не зная, как поступить в этом странном случае, Фаррагат обратился к Батлеру. Батлер, как все умные люди, которых не понимает окружение, сразу развил кипучую деятельность и издал приказ под номером двадцать семь. В приказе было написано следующее (фразеологию приблизительно передаю по памяти) —

«Любая женщина, оскорбившая словом или действием солдата Союзной Армии, с момента оскорбления рассматривается, как проститутка и может быть использована в этом качестве кем угодно».

Это поумерило патриотический пыл новоорлеанских защитниц – и вызвало международный скандал. Из Франции (!) и Англии (!!) в Вашингтон пошли ноты протеста и требования (!!!) отстранить генерала Батлера от должности (!!!!).

Тем не менее, женщины перестали опорожнять ночные горшки с балконов на солдат-оккупантов, ограничась наклеиванием на них (горшки) портретов Батлера.

Были покушения на солдат.

Борясь с импровизированной фрондой, Батлер произвел обыск во всех аристократических домах, и ему тут же приписали (возможно, несправедливо) – жадность и мародерство, и придумали кличку Спунз Батлер – намекающую, что он утащил у аристократии все вплоть до серебрянных ложек и припрятал в сундуке.

«Убирайтесь из нашего края с вашим Союзом, мерзкие янки!» – уже не кричали, но тихо с ненавистью повторяли новоорлеанцы дома, реже в кафе. Мулаты, креолы, белые аристократы.

Помалкивали (в большинстве) иммигранты из Ирландии и Германии, не успевшие еще пустить в Луизиане корни. И разделилась на две более или менее равных части прослойка мирных янки из Американского Квартала. Кто-то был за, кто-то против. Естественно, против были рабовладельцы и вообще почти все, кто имел дело с хлопком.

И все же, и все же.

По нескольким причинам из года в год в Новом Орлеане свирепствовала так называемая «желтая лихорадка», и в периоды очень частых эпидемий от нее умирал каждый третий житель города.

Батлер об этом не знал. Ему сказали. Он возмутился глупостью руководства и велел каждый день мыть улицы. С мылом. Швабрами. С тех пор, и до наших дней, Новый Орлеан не знает ни одного случая желтой лихорадки. Но об этом забыли, естественно.

И, конечно же, он озадачил всех (чувства юмора у него не было никакого) – наняв камнетеса, который весьма ровно и гладко выбил на широком боку постамента конной статуи Джексона в центральном сквере – «Союз должен быть сохранен, и сохранен будет». Чтоб любовались.

Памятник Джексону в Новом Орлеане

Будучи в Новом Орлеане, я потрогал эту надпись рукой. Каменотес свое дело знал. Гладко и ровно. Коренных новоорлеанцев в городе в наше время почти не осталось, поэтому никто тайком по ночам эту инскрипцию не замазывает, не затирает, не закрашивает, не рисует поверх нее флаг Конфедерации.

И, конечно же, Батлер, прочтя о себе нелестное в двух газетах (из, кажется, семи) Нового Орлеана, газеты эти тут же закрыл, а остальных журналистов строго предупредил. Какая сволочь, тут же решили все.

(Кстати говоря, Линкольну вменяют в вину то, что он закрывал во время войны газеты оппозиции. Такой был, прямо, антидемократ, такой диктатор. Посмеявшись над наивностью (или демагогией) обвинителей, скажу, что – странные были времена, не так ли. В мире существовали газеты, которые *СТОИЛО ЗАКРЫТЬ* из-за мнений, выраженных на их страницах. Найдите мне сегодня такую газету, в любой стране).

Подумавши, добавлю, что истеричный неумеха Батлер был склонен проявлять к населению оккупированной территории невиданную лояльность. Население платило ему неприкрытой злобой и ненавистью. Результаты были – Линкольн отозвал Батлера. Следующий временный правитель Нового Орлеана ничем себя не проявил, и имени его никто не помнит.

Потом кончилась война, и были пятнадцать бурных лет – восстание за восстанием. Возможно, историки скрывают, что в этих восстаниях очень активное участие принимали ом-де-колер, те самые мулаты из зажиточных. Соединенные Штаты очень устали от этой войны, желали отдыхать, нежиться, заниматься строительством и агрикультурой – поголовно, и северяне, и даже южане. И только в Луизиане последующие пятнадцать лет по очень веским причинам стояли федеральные войска, каждый день готовые к действию.

Город скис, заглох, опровинциализился донельзя, сузился. Вокруг Французского Квартала понастроили непримечательных небоскребов, из четырех классических трамвайных

(бывшая конка) веток оставили две, одну из них – явно для туристов. Новоорлеанский джаз – единственное, чем славен нынешний город. Ну и дурацкий праздник Марди Гра. Убого. Город, составлявший во время оно конкуренцию Нью-Йорку. Город южной аристократии.

В начале двадцатого века сгорел в Новом Орлеане исторический оперный театр, построенный с расчетом вписывания в ансамбль – те же кружевные балконы. Но моральный настрой жителей города находился на отметке настолько низкой, что до самых шестидесятых годов на месте сгоревшего театра не строили ничего. В шестидесятых построили отель (вписывается в ансамбль, балконы, но все равно грустно). Напротив отеля сохранился с давних времен бар под названием Оперное Кафе. Играют джаз. В театре этом сгоревшем дебютировала когда-то самая великая певица (по слухам) всех времен и народов Анжелина Патти. Восемнадцать лет ей было. Кажется, пела Джильду («Риголетто», Верди).

Сгоревший оперный театр

Сгоревший оперный театр, гравюра рубежа 19-ого и 20-ого веков

Чтобы посмотреть на бывший бульвар борделей, Норт Рампарт, Северный Вал, мне пришлось взять такси. Пешком там ходить нельзя даже днем (я спросил встречного негра, как туда пройти, он посмотрел на меня дикими глазами и сказал – если нет машины, возьми такси. Норт Рампарт находился в тот момент от меня в семи минутах ходьбы. Таким же способом я пробирался к знаменитым Дуэльным Дубам в историческом парке – всю историю горячеголовые новоорлеанцы дрались там на шпагах и пистолетах, дуэли случались даже из-за несогласия противников по поводу качества голоса той или иной певицы в опере – ссора начиналась в ложе, из театра к Дубам ехали в карете, чтоб быстрее). Преступность дикая. Некоторые пассионарные потомки освобожденных рабов ведут себя очень нагло и вызывающе. Безопасным считается только исторический центр – тот самый Французский Квар-

тал, Вье Карре, воспетый Теннесси Уильямсом. Вместо Трамвая Желания тем же маршрутом, из Вье Карре в пригород, к дому Стенли Ковальски и Стеллы, который посетила Бланш Дюбуа, ходит нынче туристский автобус.

Кстати, конка в Новом Орлеане заменена была перед Гражданской Войной паровой тягой, но было много дыма, и после войны паровозы убрали и поставили работать лошадок – до самой электрификации.

Единственная функциональная (не для туристов) трамвайная линия уходит за город, в садово-особняковые кварталы, неприлично красивые. Трамвай (ржавый, гроыхающий, и очень симпатичный, с прямой дугой, с деревянными еще скамьями, зеленого цвета) идет по центру бульвара с роскошными южными деревьями.

Трамвай в Новом Орлеане

Можно выйти и пройтись вдоль линии, поглазеть на южные особняки, но не следует углубляться в район, уходить от бульвара в сторону. Дети и подростки, редко видящие чужих, да еще и белых, могут закидать камнями и бутылками. Я углубился – и мне пришлось бежать очень быстро, и счастье еще, что выбрал я правильное направление, к бульвару. Сидящие по новоорлеанской традиции на приступках у домов валяжные взрослые с любопытством наблюдали за охотой на белого чужака и мирно обменивались мнениями.

Глава двадцать вторая. Геттисбургская кампания и Мэри Линкольн

Второе вторжение Войск Конфедерации на Союзные Территории было не менее драматическим, чем первое. Генерал Роберт И. Ли со своей любимой Армией Северной Вирджинии вошел клином в Пеннсилванию. Генерал Хукер (тот самый, который водил за своей армией толпу проституток, чтобы солдаты не обижались на командование) пытался противостоять и был моментально разгромлен. Тут же возникли несогласия Хукера с правительством, и Хукер подал в отставку. Говорят, Линкольн и генерал-аншеф Хенри У. Халлек давно искали предлога Хукера заменить кем-нибудь, но это бюрократические сведения, целью которых является языческая идеализация образа Линкольна. Так или иначе, и в командовании Армией Потوماка Хукер был заменен генералом по имени Джордж Мид.

Имели место несколько сражений, и у некоторых Союзных стратегов возникло чувство, что на этот раз Ли остановить они не смогут.

Линкольн слал телеграмму за телеграммой, планировал, приказывал, требовал ответов от генералов. В самом начале июля Войска Конфедерации сошлись с Войсками Союзными при Геттисбурге.

Геттисбург – место странное. Население в ту пору там было – две с половиной тысячи душ (нынче восемь тысяч). Горка, две речки. Но почему-то именно Геттисбург стоял на пересечении нескольких путей и был связан хорошими дорогами с Балтимором (около пятидесяти миль), Харисбургом (около сорока), Карлисом (тридцать), Фредериком (двадцать пять) и Вашингтоном (шестьдесят). Также, в Геттисбурге находилась Лютеранская Теологическая Семинария (основана в 1826-м году) и Пеннсилванский Колледж (ныне Геттисбургский), основанный в 1832-м году. Все это весьма странно. Такое притягательное, по непонятным причинам, место.

Вот войска и притянулись.

Джексона Камменной-Стены уже не было в живых, он погиб (говорят, это очень повлияло на Ли морально, Джексон был очень геройского склада человек, не верилось, что его можно убить). Ли начал по своему обыкновению сразу несколько маневров (под, кстати сказать, непрерывным обстрелом фотокамер – первая война в истории, широко и подробно освещаемая журналистами и фотографами). Конница Стюарта пошла в обход и в тыл врагу, типа разведки возможным боем, и задержалась дольше, чем Ли рассчитывал. Вообще, все три дня, которые длилась эта баталия, Ли был не в себе, и ни один из его планов не срабатывал так, как ему хотелось и виделось.

В общей сложности при Геттисбурге сошлись сто шестьдесят тысяч человек. Из них пятьдесят тысяч остались там лежать. Из этих пятидесяти тридцать тысяч – конфедераты. Победа северян была убедительная, и после нее Ли *НИ РАЗУ* не перешел в наступление. Все его последующие действия, и действия Войск Конфедерации вообще, были в дальнейшем просто реакцией на действия северян. А война продолжалась еще два года.

Поле было усеяно трупами и ранеными. Их срочно сортировали и увозили. Огромное количество медсестер (в медсестры шли все подряд, с обеих сторон, простые девушки, аристократки, жены военных, жены политиков, и так далее) ухаживали за ранеными, а хирургов, конечно же, не хватало. Местность там вмеру холмистая. С некоторых точек обзора казалось, что земля усеяна телами до горизонта.

Спустя четыре месяца, в ноябре, когда война снова перешла полностью на территории южан, при Геттисбурге освятили кладбище – с речами, музыкой, и прочими подобающими атрибутами. Линкольн прислал на освящение речь, которую прочли вслух и которая стала впоследствии знаменитой. Речь эту можно понять и оценить только в контексте, но даже

в контексте звучит она странно. И только эмоции войны и общественное мнение времени повлияли на события таким образом, что речь вошла в анналы «самого лучшего, когда-либо написанного по-английски», то бишь, наряду с великими стихами, пьесами, и высказываниями.

Существует перевод этой речи на русский язык, и не один. Привожу ее здесь (слегка подправив несуразности перевода) —

«Восемьдесят семь лет назад отцы наши основали на этом континенте новую нацию, зачатую под знаком Свободы и посвященную принципу, что все люди созданы равными.

Сегодня мы ведем великую гражданскую войну, подвергая испытанию вопрос, может ли эта нация или любая другая нация, созданная таким образом и посвященная этому принципу, долго просуществовать. Мы сошлись на поле одной из великих битв этой войны. Мы пришли освятить часть этого поля как место последнего упокоения тех, кто отдал жизнь свою во имя жизни этой нации. Такое действие нам подобает и приличествует.

Но, в более широком смысле, мы не можем посвящать, мы не можем освящать, мы не можем сделать святыней это место. Храбрые люди — живые и мертвые — здесь сражавшиеся, уже осветили его, далеко превысив при этом все, что мы с нашими слабыми силами могли бы прибавить или отнять. Мир мало обратит внимание и не запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он никогда не сможет забыть то, что они здесь совершили. Это нам, живым, скорее следует здесь посвятить себя незаконченному делу, которое сражавшиеся здесь делали столь доблестно. Это нам следует посвятить себя великому труду, который не окончен; дабы набраться от этих чтимых нами усопших большей преданности тому делу, которому они принесли последнюю полную меру преданности; дабы нам здесь торжественно подтвердить, что смерть этих умерших — не зря; что эта нация, под Богом живущая, обретет новое рождение свободы и что правление народное, народом и для народа не исчезнет с лица земли».

Надо сказать, что большинство присутствующих были очень тронуты. После чего разразилось несколько скандалов. При наличии телеграфа о речи на следующий день знала вся страна.

Чикагская газета Сан-Таймс (Чикаго, напониаю, находится в самом сердце Северных Территорий и является самым большим городом родного Линкольну штата Иллиной — и, вспомня, что Линкольн *ЗАКРЫВАЛ* газеты, неугодные ему в военное время, следует задуматься — *ЧТО ЖЕ ИМЕННО* должна была сказать какая-нибудь газета, чтобы он ее закрыл) — сказала следующее —

«Щеки каждого американца пылают от стыда, когда он читает глупые, плоские, посудомоечные высказывания человека, которого рассудительным иностранцам представляют, как Президента Соединенных Штатов».

В то время было принято оглядываться на мнение чужих, как видим.

Несмотря на такие вот сентименты на Севере, Линкольна переизбрали на второй срок.

В следующей главе рассказано будет о событиях частично детективных, и в этой связи следует сказать несколько слов об одной из героинь этих событий, а именно, жены президента, женщины по имени Мэри Линкольн.

Она была младше своего мужа на девять лет. Вышла за него, когда ей только исполнилось двадцать четыре года. Была некрасивая, но очень подвижная, маленькая, остроумная, насмешливая. Иногда принимала публичное участие в делах мужа (в будущность его сенатором, и особенно — во время первой президентской кампании, когда она честила сво-

его бывшего ухажера, ныне соперника Линкольна, с нее ростом, называя его «Мой высокий уроженец Кентукки»).

Четверых сыновей родила она Линкольну – Роберта, Эдварда, Уильяма и Томаса. Только Роберт вырос, остальные умерли детьми.

Она была хорошо образована.

После смерти троих сыновей и мужа, она начала (по слухам) вести себя странно. В ее помешательство я не верю. Сын ее Роберт поместил ее в приют для умалишенных, и было весьма неприятное дело о наследстве и наследии. В приюте правила были не очень суровые, и через три месяца Мэри из приюта вышла. Ее знали во всем мире. Чтобы развеяться, она предприняла путешествие в Париж, отсудив какие-то суммы у сына. Во время обратного перехода через Атлантику она почувствовала головокружение и чуть не свалилась за борт лайнера. Ее спасла, обхватив вокруг талии, находившаяся рядом актриса, которую по странному стечению обстоятельств звали Сара Бернар. Судьбы Линкольнов неразрывно связаны с театром. Умерла Мэри Линкольн в родном Спрингфилде, в доме своей сестры Элизабет, на семнадцать лет пережив мужа и не простив сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.